О ЗНАЧЕНИИ ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ

1867

0008024150

58/24210
КС 11
Р62
891/ ~~1507~~
5027

О ЗНАЧЕНІИ

ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ

ВЪ РЯДУ

СОВРЕМЕННЫХЪ ЭКОНОМИСТОВЪ.

Н. Н. Рождественскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Эдуарда Праца, Офицерская улица, домъ № 26.
1867.

Съ разрѣшенія Юридическаго Факультета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 18 апрѣля 1867 г.

Деканъ Факультета *Ивановскій*.

Библиотека
экономического
факультета
СПбГУ

ВВЕДЕНІЕ.

Въ общественныхъ наукахъ въ настоящее время особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ стремленіе къ открытію законовъ жизни человѣчества. Это стремленіе ясно обнаруживается во всѣхъ лучшихъ современныхъ изслѣдованіяхъ общественныхъ вопросовъ. Хотя не всѣ современные представители политическихъ наукъ правильно понимаютъ необходимыя условія плодотворнаго изслѣдованія законовъ общественныхъ явленій, но, однакожь, одно уже признаніе возможности и необходимости изысканія этихъ законовъ производитъ огромный переворотъ въ изученіи народной жизни. Конечно, есть еще ученые, отвергающіе самую законосообразность въ общественныхъ явленіяхъ, но ученія этихъ теоретиковъ, съ точки зрѣнія современной науки, не могутъ имѣть притязанія на научный характеръ, потому что нельзя излагать теорію какихъ либо явленій, отвергая ихъ реальную законосообразность. И такъ мы можемъ принять признанія законосообразности общественныхъ явленій за conditio sine qua non всякаго научнаго изслѣдованія общества. Признавая эту законосообразность, важнѣйшіе современные ученые сильно расходятся во взглядѣ на общественные законы и методъ ихъ изслѣдованія. Это разногласіе ученыхъ преимущественно проистекаетъ отъ недостаточнаго еще развитія общественныхъ наукъ. Мы не должны строго осуждать политическія науки за младенческое ихъ состояніе, пото-

му что онѣ только недавно получили возможность изслѣдовать статическіе и динамическіе законы общественной жизни. Сложность общественныхъ явленій, бывшая причиною долгаго преобладанія въ объясненіяхъ ихъ метафизическихъ началъ, служитъ въ настоящее время препятствіемъ къ успѣшному раскрытію ихъ законовъ. Поэтому всякая общественная наука, излагающая законы какой-либо области общественныхъ явленій, заслуживаетъ полнаго уваженія, хотя бы ея законы и не совсѣмъ удовлетворяли современнымъ требованіямъ философіи. Къ числу такихъ наукъ принадлежитъ политическая экономія. Политическая экономія, благодаря своему методу и характеру экономическихъ явленій, могла успѣшнѣе другихъ общественныхъ наукъ изыскивать законы явленій, составляющихъ область ея изслѣдованія. Но въ ней, какъ и въ другихъ отрасляхъ обществовѣдѣнія сильно чувствуется недостатокъ въ знаніи законовъ развитія человѣчества. Разсмотримъ основанія ея законовъ.

Политическая экономія излагаетъ законы производства и распредѣленія богатствъ. Возможность изысканія законовъ производства вытекаетъ изъ того, что производство не зависитъ отъ произвола и имѣетъ свои необходимыя условія. Законы же распредѣленія создаются людьми; потому могутъ возразить противъ возможности вывода такихъ законовъ. Для вывода законовъ распредѣленія политическая экономія принимаетъ, что люди въ области экономическихъ отношеній дѣйствуютъ только подъ вліяніемъ своекорыстія, т. е. что человѣкъ всегда стремится пріобрѣсть наиболѣе богатствъ съ наименьшимъ трудомъ.

Это предположеніе, при установленіи частной собственности и соперничества, даетъ возможность выводить общіе экономическіе законы. Политическая экономія можетъ объяснять и предусматривать большинство экономическихъ явленій обра-

зованныхъ народовъ, потому что большинство этихъ явленій основано на господствѣ своекорыстія. Всѣ же промышленныя явленія, зависящія отъ другихъ общественныхъ причинъ, не могутъ подходить подъ общіе экономическіе законы. Измѣненія, производимыя этими причинами въ абстрактныхъ законахъ политической экономіи, должны составлять предметъ особаго изслѣдованія. Хотя политическая экономія ясно опредѣляетъ характеръ экономическихъ законовъ, однако не многіе экономисты правильно его понимаютъ. Большинство экономистовъ весьма не вѣрно судитъ о самомъ основномъ общественномъ началѣ политической экономіи: господствѣ своекорыстія въ экономическихъ отношеніяхъ. Вмѣсто того, чтобы признать это господство за существующій фактъ, предоставивъ общественной философіи сужденіе объ его измѣняемости, они объявляютъ, что политическая экономія доказываетъ необходимость его, неизмѣняемость и раціональность. Также очень часто экономисты смѣшиваютъ признаваемое политическою экономіею господство своекорыстія съ признаніемъ необходимости господствующихъ современныхъ промышленныхъ комбинацій. На самомъ дѣлѣ политическая экономія не нуждается въ признаніи необходимости господства этихъ комбинацій. Для правильнаго же осужденія или одобренія той или другой промышленной формы политическая экономія должна обратиться къ помощи общественной философіи. Безъ ея помощи она обойтись не можетъ. По этому экономисты, не имѣющіе надлежащей философской подготовки, не могутъ раціонально излагать политическую экономію.

Многіе изъ извѣстныхъ современныхъ экономистовъ, не признавая своекорыстія за основаніе экономическихъ законовъ, желали пересоздать политическую экономію. Одни изъ нихъ приняли за ея задачу ученіе о законахъ историческаго разви-

тія народнаго хозяйства, другіе отождествляли политическую экономію съ обществовѣдѣніемъ, излагая въ ней законы практической дѣятельности общества. Первыхъ мы назовемъ экономистами-историками, вторыхъ экономистами-обществовѣдами. Экономисты-историки подъ именемъ законовъ историческаго развитія народнаго хозяйства представляютъ только историческія описанія разныхъ хозяйственныхъ отношеній различныхъ народовъ. Законовъ развитія народнаго хозяйства они не открыли, да и не могли открыть, потому что для открытія этихъ законовъ нужно знаніе общихъ законовъ развитія всего человѣчества. У нихъ же нѣтъ этого знанія. Экономисты-историки, отвергнувъ господство своекорыстія, какъ основнаго начала политической экономіи, при изложеніи теоріи экономической науки, выводятъ законы, основанные на этомъ же началѣ. По этому ихъ изложеніе экономическихъ законовъ отличается крайнею неопредѣленностію. Ученія экономистовъ-историковъ важны для экономической науки, преимущественно только, какъ критика экономистовъ, принимающихъ необходимость и раціональность абсолютнаго господства личнаго интереса и соперничества въ экономическихъ отношеніяхъ. Экономисты историки указали также отчасти на методъ, который долженъ лечь въ основаніе дальнѣйшаго развитія народной экономіи.

Экономисты обществовѣды излагаютъ законы, которыми должна руководствоваться практическая дѣятельность народовъ. Они полагаютъ, что выводятъ свои законы, принимая во вниманіе всѣ причины, имѣющія вліяніе на практическую дѣятельность людей; но на самомъ дѣлѣ они основываютъ экономическіе законы на поступкахъ людей, дѣйствующихъ только подъ вліяніемъ личнаго интереса и соперничества. Важная заслуга экономистовъ общество

вѣдовъ заключается въ указаніи тѣсной связи, существующей между государственнымъ устройствомъ и промышленною жизнію общества, и необходимости децентрализаціи.

Государственное начало въ политической экономіи нашло себѣ также сильныхъ защитниковъ въ экономистахъ государствовѣдахъ Они доказываютъ важность и необходимость дѣятельнаго участія государства въ промышленной жизни общества.

Среди современнаго стремленія къ сближенію законовъ политической экономіи съ законами государственными, насъ невольно поражаетъ дѣлаемое нѣкоторыми экономистами ограниченіе области политической экономіи однимъ изложеніемъ современныхъ законовъ обмѣна. Такое ограниченіе проистекаетъ отъ взгляда этихъ экономистовъ на характеръ законовъ обмѣна. Они полагаютъ, что основныя условія современнаго обмѣна не могутъ измѣниться. Все же остальное въ общественной жизни подвержено видоизмѣненіямъ. Отсюда, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ, что политическая экономія, для сохраненія истинно научнаго характера, должна ограничиться однимъ изложеніемъ законовъ обмѣна. Но такъ какъ въ дѣйствительности нельзя принять неизмѣнности современныхъ условій обмѣна, то политическая экономія не можетъ оправдать ограниченія ея области изложеніемъ законовъ обмѣна, не говоря уже о другихъ причинахъ, недопускающихъ такого ограниченія. Наконецъ, особенное вниманіе обращаютъ на себя экономисты, которые, не измѣняя основныхъ началъ политической экономіи, стараются примѣнить ихъ къ улучшеніямъ народнаго хозяйства, требуемымъ общественною философіею. Эти экономисты смотрятъ на современную организацію промышленности, какъ на явленіе, соотвѣтствующее извѣстному состоянію общественнаго развитія. Они полагаютъ, что она не состав-

ляетъ вѣнца промышленнаго развитія человѣчества. Этихъ экономистовъ мы называемъ, сообразно съ преобладающею философскою теоріею ихъ представителя, Джона Стюарта Милля, экономистами-утилитаріанистами.

Всѣ эти направленія находятъ себѣ въ настоящее время горячихъ защитниковъ. Экономисты-атомисты (*), экономисты-историки, экономисты-обществовѣды, экономисты-государствовѣды и экономисты-обмѣнщики наперерывъ, другъ передъ другомъ, стараются доказать правильность своихъ воззрѣній на основныя начала политической экономіи. При такомъ состояніи экономической науки мы считаемъ не безполезнымъ критически разобрать основныя положенія представителей важнѣйшихъ современныхъ направленій въ политической экономіи. Мы раздѣлимъ современныхъ представителей экономической науки на шесть группъ: первую группу составятъ экономисты-утилитаріанисты; вторую—экономисты-историки; третью—экономисты-обществовѣды; четвертую—экономисты-государствовѣды; пятую—экономисты-обмѣнщики; шестую—экономисты-атомисты.

Въ настоящемъ разсужденіи мы разсмотримъ значеніе Милля въ ряду современныхъ экономистовъ.

(*) Экономистами-атомистами мы называемъ представителей школы, убѣжденной въ неизмѣнности господствующихъ экономическихъ отношеній, основанныхъ на своекорыстіи и личномъ соперничествѣ.

Джонъ Стюартъ Милль пользуется вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ въ политической экономіи. Даже люди, расходящіеся съ Миллемъ во многихъ важнѣйшихъ экономическихъ вопросахъ, не могутъ не признать его лучшимъ современнымъ экономистомъ. Взглядъ его на экономическую науку отличается глубиною, ясностію и точностію. Можно сказать, что Милль стоитъ выше всѣхъ экономистовъ въ пониманіи политической экономіи.

Вполнѣ владѣя ея методомъ, онъ весьма раціонально относится къ основнымъ экономическимъ началамъ; а понимая относительное значеніе ея частей, онъ правильно отдѣляетъ въ ней постоянные законы отъ законовъ временныхъ, обусловленныхъ современнымъ состояніемъ общественной жизни. Милль излагаетъ экономическія начала съ необыкновенною ясностію, давая возможность слѣдить шагъ за шагомъ за ихъ внутреннею связью. Онъ обыкновенно начинаетъ съ самой простой формы экономическаго закона и потомъ постепенно восходитъ до самаго сложнаго его проявленія въ промышленной жизни народовъ. Изученіе Милля требуетъ большаго напряженія вниманія и размышленія. Въ его политической экономіи, какъ въ математикѣ, всѣ начала связаны другъ съ другомъ какъ кольца въ цѣпи: если одно начало будетъ не понятно, то цѣпь разрывается, и мы лишаемся возможности понимать связь экономическихъ принциповъ. Въ общественныхъ наукахъ мы привыкли встрѣчать книги, при чтеніи которыхъ можно пропускать сотни страницъ, не отыскивая внутренней связи идей, потому что такой связи въ нихъ часто совсѣмъ не бываетъ. Научная абстрактность Милля составляетъ его величайшее достоинство. Не менѣе важное значеніе для экономической науки имѣютъ примѣненія Милля требованій общественной философіи къ экономической жизни современныхъ народовъ. Философскія начала, введенныя имъ въ

въ политическую экономію, не рѣдко подвергались сильнымъ нападеніямъ со стороны теоретиковъ и практиковъ. Первые упрекали Милля за изложеніе въ экономической наукѣ началъ, не принадлежащихъ ея области; а вторые за то, что эти начала направлены, будто бы, противъ общественнаго порядка. Однако такія нападенія постепенно умолкаютъ. Теоретики убѣждаются въ важности введенныхъ Миллемъ началъ, для экономической науки, а практики начинаютъ признавать ихъ за средства, утверждающія порядокъ въ обществѣ. Государственные люди, которые въ прошедшемъ году называли Милля соціалистомъ и якобинцемъ, за предлагаемыя имъ ограниченія во владѣніи поземельною собственностію, въ нынѣшнемъ году сами предлагаютъ ввести подобныя ограниченія, подкрѣпляя свои предложенія цитами изъ Милля. Такъ что въ настоящее время Милль пользуется огромнымъ авторитетомъ не только у теоретиковъ, но и у практиковъ.

Главная заслуга Милля заключается въ его глубокомъ философскомъ взглядѣ на экономическія явленія. Милль не открылъ ни одного важнаго экономическаго начала, онъ только воспользовался началами, выработанными Адамомъ Смитомъ и его знаменитыми послѣдователями; но нуженъ былъ высокій философскій умъ Милля, чтобы соединить всѣ труды этихъ экономистовъ въ одно стройное цѣлое и показать отношеніе экономическихъ законовъ къ важнѣйшимъ требованіямъ общественной философіи.

Изслѣдованіе системы экономическаго ученія Милля мы начнемъ съ разсмотрѣнія метода, употребляемаго имъ въ политической экономіи. Во всѣхъ наукахъ методъ имѣетъ огромное значеніе, но особенно важную роль играетъ онъ въ наукахъ политическихъ. Здѣсь ложный взглядъ на методъ ведетъ къ тому, что вмѣсто научнаго изложенія предмета сообщается куча фактовъ безъ общей связи и цѣли. Милль правильнѣе другихъ экономистовъ смотритъ на методъ политической экономіи и на отношеніе ея законовъ къ законамъ общественнаго прогресса.

Общественная наука, по мнѣнію Милля, есть наука дедук-

тивная (*); она выводитъ законъ каждаго дѣйствія изъ законовъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ это дѣйствіе; но не изъ закона одной причины, какъ это дѣлаетъ геометрическій методъ, а изъ разсмотрѣнія всѣхъ причинъ, вліяющихъ на дѣйствія, и изъ соединенія другъ съ другомъ законовъ этихъ причинъ. Поэтому общественная наука должна употреблять, подобно физіологіи, конкретно-дедуктивный методъ. Всякая причина, дѣйствующая на общественныя явленія, — дѣйствуетъ чрезъ психологическіе и этологическіе законы, управляющіе людьми, изъ которыхъ составляется общество; такъ что приблизительно зная эти законы, не трудно опредѣлить дѣйствія, которыя стремятся произвести данныя причины. Но если нужно узнать a priori дѣйствіе нѣсколькихъ стремленій или общій результатъ нѣсколькихъ одновременно-существующихъ причинъ, то это уже обыкновенно превышаетъ человѣческія способности; потому что противоположныя стремленія дѣйствуютъ въ тысячѣ разныхъ направленій и производятъ тысячу различныхъ измѣненій въ данный моментъ и въ данномъ обществѣ. Однако не должно забывать, что все-таки можно изъ законовъ человѣческой природы узнать самыя стремленія и опредѣлить: какое вліяніе каждое изъ нихъ, дѣйствуя одно, будетъ имѣть на общество. Для удостовѣренія въ правильности выводовъ дедуктивнаго метода надобно провѣрить ихъ самыми конкретными феноменами, и если можно, то съ эмпирическими законами послѣднихъ. Довѣріе къ каждой конкретно-дедуктивной наукѣ основывается не на ея апріористическихъ разсужденіяхъ, а на согласіи ея выводовъ съ результатами наблюденія a posteriori. Въ общественныхъ наукахъ можно выводить законы изъ эмпирическихъ наблюденій, провѣряя ихъ законами человѣческой природы, или изъ апріористическихъ соображеній, провѣренныхъ a posteriori. Потому въ этихъ наукахъ, по мнѣнію Милля, можно употреблять два конкретно-дедуктивныхъ метода: прямой де-

---

(*) A system of Logic ratiocinative and inductive. By John Stuart Mill. New York. 1860, стр. 561.

дуктивный и обратный (*). Послѣдній методъ должно употреблять тамъ, гдѣ можно получить эмпирическіе законы; гдѣ же такихъ законовъ получить нельзя, тамъ должно пользоваться прямымъ дедуктивнымъ методомъ. Общественная наука, разсматриваемая какъ система дедукцій a priori, не можетъ быть наукою положительныхъ предсказаній, а только стремленій. Мы никогда не можемъ сказать a priori, что извѣстная причина непремѣнно произведетъ извѣстное явленіе, потому что множество другихъ причинъ могутъ парализировать ея дѣйствія. Но если абстрактная наука не доставляетъ намъ непогрѣшимыхъ положительныхъ предсказаній, то все-таки она можетъ служить руководствомъ въ практической жизни.

Хотя всѣ явленія общественныя находятся въ тѣсной связи и взаимодѣйствіи, однако же мы можемъ различать разныя группы явленій, которыя главнымъ образомъ непосредственно зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ. На этихъ соображеніяхъ основана возможность существованія различныхъ вѣтвей обществовѣдѣнія, одну изъ которыхъ составляетъ политическая экономія.

Политическая экономія имѣетъ характеръ науки абстрактной (**). Она употребляетъ физическій или конкретно-дедуктивный методъ. Политическая экономія разсматриваетъ только дѣйствія людей, вытекающія изъ желанія пріобрѣсти богатство. Она изслѣдуетъ, какъ люди накопляютъ богатство и употребляютъ его на производство другаго богатства, какъ они устанавливаютъ право собственности, какіе способы они употребляютъ для увеличенія производительности труда, какъ они раздѣляютъ произведенія при дѣйствіи соперничества, какія средства употребляютъ они для облегченія распредѣленія.

Политическая экономія указываетъ, что извѣстныя причины стремятся произвести извѣстныя явленія. Она прини-

---

(*) A system of Logic, стр. 563.
(**) Ibidem стр. 566.

маетъ человѣка за существо, постоянно стремящееся совершить то, что можетъ доставить ему наибольшее богатство посредствомъ наименьшаго количества труда и лишеній. Исходя изъ такого предположенія, политическая экономія, при выводѣ своихъ законовъ, не принимаетъ во вниманіе другихъ человѣческихъ чувствъ и мотивовъ, исключая двухъ противодѣйствующихъ мотивовъ: отвращенія къ труду и желанія настоящаго пользованія цѣнностями. Поэтому, чтобы получить изъ политической экономіи вѣрныя практическія указанія, нужно знать причины, возмущающія экономическіе законы. При изложеніи абстрактной политической экономіи ученый долженъ обращать вниманіе и на практическія измѣненія ея положеній.

Политическая экономія принадлежитъ къ роду изслѣдованій, рѣшающихъ вопросъ о томъ: какое дѣйствіе производитъ извѣстная причина, предполагая опредѣленныя положенія общественныхъ отношеній. Другаго (*) рода изысканія занимаются изложеніемъ причинъ производящихъ и явленій, характеризующихъ состояніе общественной жизни, т. е. одновременное состояніе всѣхъ великихъ общественныхъ фактовъ или феноменовъ. Къ этимъ фактамъ принадлежатъ: степень знаній, умственное и нравственное образованіе всего общества и каждаго общественнаго класса, состояніе промышленности, богатства и его распредѣленія, образъ правленія и т. д. Въ общественной наукѣ, когда говорится о состояніяхъ общества, то подразумѣвается, что существуетъ извѣстное однообразіе въ сосуществованіи различныхъ феноменовъ, т. е. что опредѣленное состояніе одного общественнаго элемента связанно закономъ необходимости съ опредѣленнымъ состояніемъ остальныхъ.

Общественная наука, изучая общество и его развитіе, должна употреблять обратно дедуктивный методъ или историческій, т. е. изслѣдовать эмпирическіе законы исторіи и, провѣривъ ихъ законами человѣческой природы, раскрывать научные законы жизни человѣчества. Милль полагаетъ, что

(*) A system of Logic, стр. 574.

Контъ выяснилъ значеніе историческаго метода, но что до сихъ поръ не открыты истинные соціальные законы общественной науки (*).

Въ настоящее время многіе извѣстные экономисты, признавая важное значеніе экономическаго ученія Милля, полагаютъ однако, что онъ ошибается во взглядѣ на методъ и задачу политической экономіи. Въ экономической литературѣ особенно обращаютъ на себя вниманіе нападенія на Милля экономистовъ-историковъ и экономистовъ-обществовѣдовъ. Первые полагаютъ, что политическая экономія должна употреблять историческій методъ, а вторые требуютъ для экономической науки экспериментально-химическаго метода. Измѣняя методъ, эти экономисты-реформаторы измѣняютъ и задачу политической экономіи.

Обратимся сначала къ ученію представителя экономистовъ-историковъ Вильгельму Рошеру. Наукою о народномъ хозяйствѣ онъ называетъ ученіе о законахъ развитія хозяйственной жизни народа. Если бы Рошеръ дѣйствительно открылъ законы хозяйственнаго развитія народовъ, то онъ оказалъ бы этимъ великую услугу человѣчеству; тогда мы могли бы знать какъ прошедшее, такъ и будущее развитіе народнаго хозяйства. Кромѣ того, зная законы развитія народнаго хозяйства намъ легко бы было узнать законы развитія всей жизни человѣчества. Но Рошеръ не открылъ законовъ хозяйственной жизни человѣчества; онъ прибавилъ только къ законамъ абстрактной политической экономіи различныя историко-экономическія описанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прямо отвергнулъ дедуктивныя основанія экономическихъ законовъ, принимая, что они являются продуктомъ своекорыстія и божественной любви. «Уже изъ одного своекорыстія, говоритъ Рошеръ, каждый выбираетъ себѣ тотъ промыселъ, въ которомъ онъ наименѣе полагаетъ встрѣтить соперниковъ и наиболѣе требователей, т. е. величайшую потребность въ его продуктѣ у

(*) Auguste Comte and positivisme. By John Stuart Mill. London. 1865, стр. 123.

цѣлаго общества и въ тоже время наименьшее доселѣ число средствъ къ удовлетворенію этой потребности. Самымъ богатымъ врачемъ будетъ всегда тотъ, у котораго наибольшее число больныхъ, которыхъ онъ при томъ наискуснѣйшимъ образомъ лечитъ, самымъ богатымъ фабрикантомъ — производящій и лучшій и самый дешевый товаръ. Легко можно вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что наитѣснѣйшіе круги общественной жизни гораздо ближе къ своекорыстію, болѣе широкіе къ стремленію къ царствію Божію; тѣмъ не менѣе всѣ эти круги и всѣ области взаимно обусловливаютъ другъ друга. Космополитизмъ или изувѣрство безъ любви къ родинѣ, патріотизмъ безъ семейной любви и вѣрности общему дѣлу болѣе чѣмъ подозрительны, и наоборотъ. Вотъ самая надежная переправа для соединенія двухъ великихъ кажущихся противурѣчій (*).»

Такими разсужденіями Рошеръ полагаетъ выяснить основанія экономической науки. Въ дѣйствительности мы здѣсь не видимъ переправы для нашего пониманія экономическихъ законовъ, а замѣчаемъ только противорѣчіе какъ абстрактной политической экономіи, такъ и историческому методу. Абстрактно-дедуктивная экономическая наука не излагаетъ законовъ, основанныхъ на взаимодѣйствіи своекорыстія и божественной любви; а историческій методъ не допускаетъ, чтобы историко-экономическіе законы являлись непремѣннымъ результатомъ своекорыстнаго соперничества. Рошеръ смѣшиваетъ историческія описанія съ началами абстрактно-политической экономіи, и тѣмъ совершенно затмѣваетъ истинный смыслъ послѣднихъ.

Милль лучше Рошера понимаетъ какъ сущность историческаго метода, такъ и важность знанія законовъ хозяйственнаго развитія человѣчества, но онъ не берется выводить этихъ законовъ; онъ считаетъ это дѣло слишкомъ труднымъ, а понимая необходимыя условія истинно-историческихъ законовъ, онъ не выдаетъ историческія описанія за законы развитія на-

---

(*) Начала Народнаго хозяйства. 1860, переводъ Бабста; стр. 23 и слѣд.

роднаго хозяйства. Милль ограничиваетъ политическую экономію болѣе скромною задачею, но за то разрѣшаетъ эту задачу чисто научнымъ методомъ.

Теперь обратимся къ возраженіямъ, которыя дѣлаютъ Миллю экономисты-обществовѣды. Милль, по ихъ мнѣнію, неправильно принимаетъ за основаніе экономическихъ законовъ поступки людей, стремящихся только къ эгоистическому пріобрѣтенію богатства. Обществовѣды желаютъ, чтобы наука разсматривала дѣятельность человѣка, вытекающую изъ взаимодѣйствія всѣхъ его стремленій. Дѣйствительно, если бы они этого достигли, то мы не нуждались бы въ абстрактной политической экономіи.

Представитель экономистовъ-обществовѣдовъ Кэри даетъ новое основаніе наукѣ объ обществѣ. Посмотримъ же, что понимаетъ Кэри подъ именемъ обществовѣдѣнія: «науку объ обществѣ, по мнѣнію Кэри, можно назвать наукою о законахъ, управляющихъ дѣятельностью человѣка, стремящагося къ пріобрѣтенію наибольшей индивидуальности и величайшей силы ассоціаціи съ другими людьми (*).» Мы полагаемъ, что такой взглядъ на обществовѣдѣніе неудовлетворителенъ. Кэри даетъ этой наукѣ слишкомъ узкія рамки; ее нельзя ограничивать однимъ изложеніемъ законовъ, вытекающихъ изъ стремленія къ ассоціаціи и индивидуальности. Область ея гораздо шире: эта наука должна обхватывать всю интелектуальную, нравственную и практическую жизнь человѣчества. Политическая экономія, какъ абстрактная наука, можетъ при выводѣ своихъ законовъ принимать во вниманіе только нѣкоторыя условія жизни общественной. Но обществовѣдѣніе, какъ наука о законахъ необходимости, должно разсматривать всѣ важнѣйшія обстоятельства, обусловливающія жизнь человѣчества. Безспорно, что ассоціація необходима для человѣка и что она развивается между людьми по мѣрѣ ихъ нравственнаго и умственнаго прогресса. Въ настоящее время также никто не ос-

---

(*) Principles of social science. By H. C. Carey. 3 v. Philad. 1858—1860. v. I. стр. 63.

норивает необходимости общества для человѣческаго развитія; но отъ современнаго обществовѣда требуется больше, чѣмъ указаніе на необходимость ассоціаціи; отъ него требуется основательное раскрытіе началъ ассоціаціи, развитіе которыхъ производитъ общественный прогрессъ. Эти начала зависятъ отъ умственнаго и нравственнаго качества людей; поэтому для обществовѣдѣнія необходимъ историко-физіологическій анализъ этихъ качествъ, раскрывающій ихъ относительное значеніе и историческое развитіе. Безъ такого анализа обществовѣдѣніе не можетъ служить фундаментомъ для правовѣдѣнія и политической экономіи. Ни одна общественная наука не можетъ довольствоваться законами, указывающими только на условія, способствующія развитію индивидуальности. Мы увидимъ, къ какимъ несообразностямъ приводитъ Кэри его ограниченіе области обществовѣдѣнія; а теперь посмотримъ на методъ, котораго онъ держится. Это методъ экспериментально-химическій. Кэри полагаетъ, что Контъ ошибается, требуя историческаго метода для раскрытія законовъ общественнаго развитія. Кэри думаетъ, что въ обществовѣдѣніи слѣдуетъ употреблять экспериментально-химическій методъ, восходя отъ изслѣдованія частей къ изслѣдованію цѣлаго и отъ изслѣдованія настоящаго къ изслѣдованію прошедшаго и будущаго.

Милль въ своей логикѣ (*) доказалъ, что сложность явленій общественныхъ не допускаетъ употребленія экспериментально-химическаго метода въ изслѣдованіяхъ общества; посредствомъ этого метода нельзя узнать, какой результатъ производитъ данная причина на общественный организмъ. Но Кэри не принимаетъ въ разсчетъ никакихъ доводовъ. Онъ желаетъ быть, во что-бы-то ни стало, творцомъ новой науки и новаго метода. Однако его общественная наука только подтверждаетъ нераціональность употребленія экспериментально-химическаго метода въ изслѣдованіяхъ общественной жизни. Разсмотримъ напр. значеніе, которое придаетъ Кери торговлѣ, руководствуясь своимъ методомъ. По его мнѣнію, всемірная исторія

(*) A system of Logic. By John Stuart Mill. New Yorck, 1860. стр. 550.

0008024 5C

представляетъ только борьбу торговцевъ и воиновъ, стремящихся обложить данью массы народа и борьбу массъ, стремящихся освободиться отъ этихъ налоговъ; торговля, по его мнѣнію, непремѣнно влечетъ войну и раззореніе страны; торговля связана какими-то законами необходимости съ войной. Кэри представляетъ въ подтвержденіе своего мнѣнія историческіе примѣры; онъ, напр., говоритъ, что Израильтяне вели торговлю и грабили; тоже дѣлали Финикіане и нѣкоторые другіе торговые народы; слѣдовательно, торговля влечетъ войну. По въ такомъ случаѣ можно сказать, что и скотоводство влечетъ войну. Грабительство и вторженіе болѣе было свойственно народамъ, занимающимся скотоводствомъ, чѣмъ народамъ торговымъ. Конечно, на самомъ дѣлѣ преобладаніе войны въ ту или другую эпоху не столько зависитъ отъ преобладанія какого либо промысла въ народѣ, сколько отъ общей цивилизаціи народовъ. Поэтому Кэри показываетъ полное незнаніе законовъ историческаго развитія человѣчества, принимая непремѣнную связь торговли съ войной и раззореніемъ народа. Онъ полагаетъ, что прогрессъ непремѣнно долженъ остановиться у народа, занимающагося торговлею; Кэри, напр., говоритъ, что Голландія не производитъ въ настоящее время Спинозъ и Эразмовъ, потому что она вела обширную торговлю (*); но въ дѣйствительности торговля, содѣйствуя развитію благосостоянія и свободы, дала возможность Голландіи образовать Эразма и Спинозу.

Чѣмъ же объяснить ложное пониманіе Кэри значенія торговли въ исторіи человѣчества? Употребленіемъ экспериментально-химическаго метода въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Изъ того, что въ настоящее время свободная торговля вредитъ развитію Сѣверной Америки, онъ заключилъ, что торговля всегда должна была вредно дѣйствовать на благосостояніе человѣчества.

Примѣняя химическій методъ, Кэри оказывается вполнѣ несостоятельнымъ, а оставаясь въ узкихъ рамкахъ своего обществовѣдѣнія, онъ обходитъ важнѣйшія соціально-экономиче-

(*) Principles of social science, т. I гл. IX, § 8.

скіе вопросы, разрѣшенія которыхъ мы вправѣ требовать отъ современнаго обществовѣда.

Кэри дѣйствительно указалъ на нѣсколько важныхъ экономическихъ началъ, но открытіемъ ихъ онъ нисколько не обязанъ экспериментально-химическому методу.

Обратимся теперь ко взгляду французскихъ экономистовъ на методъ политической экономіи. Они не отличаются особенною оригинальностію. Одни изъ нихъ держатся метода Милля, другіе — хотя также принимаютъ дедуктивный методъ, но неправильно смотрятъ на основаніе экономическихъ законовъ; третьи предлагаютъ методъ, значеніе котораго они сами себѣ не могутъ надлежащимъ образомъ выяснить. Разсмотримъ ученіе о методѣ французскихъ экономистовъ, расходящихся съ Миллемъ во взглядѣ на основаніе экономической науки.

Начнемъ съ экономистовъ, принимающихъ въ общихъ чертахъ дедуктивный методъ, но не признающихъ условнаго значенія экономическихъ законовъ. Они берутъ за исходную точку политической экономіи, что человѣкъ стремится (*) удовлетворить своимъ потребностямъ цѣною возможно меньшаго количества труда. Это начало дѣйствительно относится какъ къ производству, такъ и къ распредѣленію; но эти экономисты не правы, принимая своекорыстныя стремленія въ экономической жизни за абсолютные законы необходимости. Въ извѣстныя эпохи человѣческаго развитія религіозное и общественное начало дѣйствуетъ на экономическую жизнь гораздо сильнѣе, чѣмъ своекорыстное отношеніе человѣка къ вещи; поэтому нельзя безусловно принимать абстрактные законы политической экономіи.

Другой взглядъ на экономическій методъ высказалъ въ прошедшемъ году Бодрильяръ. (**) Онъ находитъ, что политическая экономія должна употреблять не дедуктивный, а экспериментальный методъ. Бодрильяръ не выяснилъ, въ чемъ именно заключается послѣдній методъ. Можно предположить, что по его мнѣнію наблюденіе составляетъ основный элементъ

(*) Journal des économistes, 2 série. T. 45. 1865. Статья Courcelle — Seneuil', стр. 163.

(**) Journal des économistes, T. I, стр. 18. 1866.

экспериментальной науки; но всякій методъ имѣетъ дѣло съ наблюденіями; поэтому Бодрильяръ долженъ былъ бы пояснить, въ чемъ заключается самый процессъ экспериментальнаго метода. А онъ вмѣсто такого объясненія занимается восхваленіемъ благодѣтельнаго вліянія этого метода въ жизни современнаго человѣчества. Онъ увѣряетъ, что экспериментальная политическая экономія показываетъ гармонію всѣхъ экономическихъ отношеній. Стоитъ, говоритъ Бодрильяръ, рабочимъ обратиться къ этой наукѣ, и они ясно увидятъ, что ихъ интересы находятся въ полной гармоніи съ интересами капитала. Кромѣ того, выводы экспериментальнаго метода совершенно согласны съ требованіями естественнаго права, справедливости, свободы воли и т. д. Бодрильяръ сильно вооружается противъ позитивизма въ политической экономіи. Бодрильяръ считаетъ метафизическія понятія естественнаго права за нѣчто необходимое для экономической науки. Ему кажется очень страннымъ, что такой экономистъ, какъ Милль, отвергаетъ естественное право и не признаетъ генерическаго различія между справедливымъ и полезнымъ (*). Бодрильяръ находитъ, что политическая экономія безъ высшихъ метафизическихъ началъ не могла бы уничтожить рабства, отмѣнить запретительную систему и т. д. Мы видимъ, какое огромное значеніе по мнѣнію Бодрильяра имѣетъ экспериментальный методъ политической экономіи. Мы, однако, никакъ не можемъ узнать, въ чемъ заключается этотъ методъ; видно только, что это методъ очень темный, запутанный, поэтому неудобный для научнаго употребленія. Что же касается до нападеній Бодрильяра на Милля, то эти нападенія не выдерживаютъ критику. Изъ нихъ мы можемъ заключить, что Бодрильяръ не понимаетъ ни позитивизма, ни утилитаріанизма. Во первыхъ, онъ полагаетъ, что эти философскія системы тожественны; на самомъ же дѣлѣ онѣ во многомъ отличаются другъ отъ друга. Нападая на Милля за позитивизмъ, Бодрильяръ критикуетъ собственно не начала позитивизма, а начала утилитарнаго уче-

---

(*) Ibidem. стр. 22.

нія Милля. Что же касается до сущности этихъ нападеній, то отчасти они сами по себѣ не правильны, а отчасти основываются на неясномъ пониманіи Бодрильяромъ утилитарнаго ученія Милля.

Милль не отвергаетъ справедливости; напротивъ того, подъ именемъ справедливости онъ признаетъ самый важный родъ общественныхъ полезностей (*). По нашему же мнѣнію, правильнѣе видѣть корень справедливости въ ея полезности для общества, нежели въ туманныхъ, абсолютныхъ началахъ метафизики. Руководствуясь принципомъ наибольшаго счастія, Милль приходитъ ко многимъ весьма вѣрнымъ, весьма раціональнымъ выводамъ; между тѣмъ какъ Бодрильяръ, съ своимъ естественнымъ правомъ, повторяетъ только общія мѣста, находя гармонію, гдѣ ея нѣтъ. Бодрильяръ не только не открылъ новаго метода политической экономіи, но не понялъ стараго. Самое же происхожденіе его статьи объ экономическомъ методѣ объясняется очень легко историческимъ путемъ. Мы видѣли, что Кэри предлагаетъ употреблять въ политической экономіи экспериментально-химическій методъ; а Бодрильяръ долженъ былъ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ отнестись къ труду Кэри, подобно тому, какъ къ нему отнеслось и множество другихъ экономистовъ, желающихъ видѣть гармонію тамъ, гдѣ ее въ дѣйствительности не существуетъ. Все ученіе Бодрильяра о методѣ носитъ на себѣ отпечатокъ общественной науки Кэри. Бодрильяръ самое названіе своего метода очевидно взялъ у американскаго творца общественной науки. Заимствуя общія разсужденія у Кэри, онъ прибавилъ къ нимъ свои собственныя толкованія о правѣ, нравственности, свободѣ воли и т. д. Статья вышла кругла, но ложная въ своихъ основаніяхъ.

Перейдемъ къ системѣ экономическаго ученія Милля. Милль раздѣляетъ политическую экономію на статику и динамику. «Статика разсматриваетъ совокупность экономическихъ явленій съ точки зрѣнія одновременности ихъ существо-

(*) Utilitarianism, by John Stuart Mill. London 1863, стр. 62.

ванія. Она изслѣдуетъ, въ какой причинной связи находятся экономическія явленія другъ къ другу, какими условіями опредѣляется размѣръ производства, занятія труда, капитала и населенія; какіе законы управляютъ рентою, прибылью и рабочею платою, и при какихъ отношеніяхъ и въ какихъ пропорціяхъ происходитъ обмѣнъ товаровъ между отдѣльными лицами и между странами. Статика даетъ намъ возможность, по состоянію нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ, дѣлать общія заключенія о современномъ состояніи всѣхъ другихъ элементовъ.

Динамика изслѣдуетъ прогрессивное измѣненіе экономическаго положенія человѣчества. Она изслѣдуетъ, въ чемъ состоятъ эти перемѣны, по какимъ законамъ происходятъ и къ чему ведутъ въ окончательномъ результатѣ, однимъ словомъ, динамика прибавляетъ къ теоріи равновѣсія теорію движенія» (*). Здѣсь Милль разсматриваетъ товарищество рабочихъ и другіе элементы, характеризующіе современное развитіе человѣчества. Дѣленіе политической экономіи на статику и динамику показываетъ весьма раціональный взглядъ Милля на экономическія явленія. Въ этомъ дѣленіи прекрасно выражается характеръ общественныхъ явленій: въ статикѣ, ихъ Consensus; въ динамикѣ — прогрессивное развитіе. Динамика, можно сказать, является созданіемъ Милля. Большинство экономистовъ смотритъ на политическую экономію только съ точки зрѣнія статики. Не желая обходить нѣкоторые вопросы, относящіеся къ динамикѣ, экономисты излагаютъ ихъ вмѣстѣ съ вопросами, принадлежащими статикѣ: такое смѣшеніе различныхъ частей политической экономіи бросаетъ ложный свѣтъ на важнѣйшіе современные экономическіе вопросы. Такъ напр. въ настоящее время почти всѣ экономисты разсматриваютъ товарищества рабочихъ, общества для потребленія и т. д. Но они принимаютъ эти новые элементы современной жизни за предметы, совершенно равнозначущіе съ различными промышленными организаціями, основанными на личномъ ин-

(*) Основанія политической экономіи, Джона Стюарта Милля. Изданіе Пыпина. С.-Петербургъ 1865 Т. II, стр. 222.

тересѣ и соперничествѣ, тогда какъ въ дѣйствительности эти товарищества имѣютъ совсѣмъ другое значеніе. Однимъ словомъ, у большинства современныхъ экономистовъ являются начала, господство которыхъ не совмѣстно съ развитіемъ отношеній, основанныхъ на личномъ интересѣ и личномъ соперничествѣ. Начала эти обыкновенно разсматриваются весьма неудовлетворительно: ложный взглядъ на нихъ проистекаетъ отъ неправильнаго пониманія условій общественнаго прогресса.

Дѣленіе Милля кажется намъ самымъ правильнымъ изъ всѣхъ дѣленій экономической науки, господствующихъ въ настоящее время въ экономической литературѣ.

Нѣмецкіе экономисты гордятся тѣмъ, что они будто бы создали народно-хозяйственную политику и науку о финансахъ. Строго говоря, они никакой новой науки не создавали; основные экономическія принципы, находящіеся въ ихъ народно-хозяйственной политикѣ, тѣ же, что у Милля въ ученіи о вліяніи правительства на экономическую жизнь общества; даже у Милля есть нѣсколько важныхъ экономическихъ началъ, которыхъ нельзя найти въ лучшемъ курсѣ народно-хозяйственной политики. Нѣмецкіе ученые могутъ только гордиться полнотою статистическихъ свѣдѣній и конкретными примѣрами общихъ экономическихъ началъ. Что же касается до науки о финансахъ, то дѣйствительно Милль излагаетъ одну только ея часть: теорію налоговъ. Ученіе о расходахъ, финансовомъ управленіи, составленіи бюджета, составляютъ неотъемлемое преимущество нѣмецкой финансовой науки. Сравнительное изученіе этихъ предметовъ весьма поучительно; но по тѣсной связи ихъ съ государственнымъ устройствомъ отдѣльныхъ странъ очень трудно придти по этимъ предметамъ къ общимъ научнымъ выводамъ.

Обратимся теперь къ дѣленію экономической науки, принимаемому экономистами-обществовѣдами. По ихъ мнѣнію обществовѣдѣніе имѣетъ двѣ практическія части: правовѣдѣніе и политическую экономію.

Обществовѣдѣніе, какъ мы видѣли, по мнѣнію Кэри, излагаетъ законы, управляющіе дѣятельностію человѣка, стре-

мящагося къ пріобрѣтенію наибольшей индивидуальности и величайшей силы ассоціаціи съ другими людьми (*). А политическая экономія должна излагать мѣры, предпринимаемыя правительствомъ для приведенія общества въ такое состояніе, въ которомъ бы законы обществовѣдѣнія могли вполнѣ обнаружить свое дѣйствіе. Мѣры эти заключаются въ участіи общественной власти, въ устройствѣ дорогъ, водопроводовъ, надлежащей денежной системы, въ учрежденіи школъ, особенно же въ развитіи разнообразія занятій посредствомъ охранительной системы. То, что обыкновенно излагается въ теоретической части политической экономіи, — обществовѣды разсматриваютъ въ обществовѣдѣніи, а начала, излагаемыя въ практической части, они относятъ къ политической экономіи; такъ что въ сущности экономисты-обществовѣды перемѣняютъ только названія различныхъ частей экономической науки (**). Нѣкоторые историческіе факты, сообщаемые этими экономистами, не измѣняютъ сущности общественныхъ основаній экономическихъ законовъ.

Изъ другихъ дѣленій экономической науки особенною извѣстностію пользуется дѣленіе экономистовъ-государствовѣдовъ. Они раздѣляютъ жизнь государства на три области: народное хозяйство, общество и государство (***). Этому дѣленію соотвѣтствуютъ: наука о народномъ хозяйствѣ, наука объ обществѣ и наука о государствѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такого взгляда на государственныя науки держится большинство новѣйшихъ нѣмецкихъ экономистовъ-государствовѣдовъ. Они дѣйствительно смотрятъ на государственную жизнь гораздо раціональнѣе, нежели экономисты старой нѣмецкой школы, которые вовсе выпускали изъ виду ученіе объ обществѣ. Заслуга современныхъ

(*) Principles of social science. V. I, стр. 63.

(**) Ibidem v. III, стр. 409.

(***) Die Gesellschaftslehre, *Lorenz Stein*, 1852; *Karl Dietzel*, Die Volkswirthschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat. Frankfurt, 1864, стр. 94.

экономистовъ-государствовѣдовъ заключается въ томъ, что они указали на важность и необходимость ученія объ обществѣ, какъ звѣна, соединяющаго государственное право съ политическою экономіею. Это ученіе не получило еще у нѣмецкихъ ученыхъ надлежащаго развитія. Самая связь между государствомъ, обществомъ и народнымъ хозяйствомъ весьма мало изслѣдована. Но теперь уже ясно обнаруживается невозможность раціональнаго изложенія государственнаго права безъ анализа общественныхъ классовъ, входящихъ въ составъ государства; потому что отъ характера этихъ классовъ зависитъ характеръ всего государственнаго устройства. Они составляютъ фундаментъ государственныхъ учрежденій; мы не можемъ правильно судить объ этихъ учрежденіяхъ, не изучивъ предварительно общественныхъ элементовъ государственнаго организма (*). Для политической экономіи ученіе объ обществѣ имѣетъ также большое непосредственное значеніе: оно указываетъ, что экономисты должны изслѣдовать не только экономическое отношеніе, опредѣляющееся своекорыстнымъ стремленіемъ отдѣльныхъ личностей, но и экономическія отношенія членовъ различныхъ группъ; послѣдняго рода отношеніе вытекаетъ изъ взаимодѣйствія своекорыстныхъ и высшихъ нравственныхъ стремленій общественныхъ элементовъ. Однако ученіе экономистовъ объ обществѣ далеко не удовлетворяетъ требованіямъ современной философіи. Не сознавая ясно законовъ прогресса, они приравниваютъ отживающія общественныя группы къ группамъ вновь зарождающейся экономической жизни. По этому ихъ взглядъ на отношеніе различныхъ сферъ общественной жизни не удовлетворяетъ также требованіямъ современной экономической науки.

Изложивъ дѣленія политической экономіи важнѣйшихъ современныхъ экономистовъ, мы обращаемся къ экономической статикѣ. Милль дѣлитъ ее на производство и распредѣленіе. Въ его взглядѣ на эти части статики обнаруживается

(*) Robert von Mohl, Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, I Bd. 1856, стр. 69.

весьма вѣрное пониманіе относительнаго значенія различныхъ началъ, излагаемыхъ въ политической экономіи. Милль ясно понимаетъ, что законы производства будутъ имѣть силу при всякой организаціи общества, тогда какъ законы распредѣленія подвергались, подвергаются и будутъ подвергаться измѣненію. Милль справедливо говоритъ, что законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. «Въ нихъ нѣтъ ничего зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія полагаются качествомъ внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самаго человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства будетъ все равно опредѣляться размѣрами его предварительнаго сбереженія, и при данномъ размѣрѣ сбереженія будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искусству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ (*)».

Милль ясно и отчетливо излагаетъ законы производства, обстоятельно изслѣдуя необходимыя его условія, условія, безъ выполненія которыхъ невозможно увеличеніе благосостоянія народа. Изученіе законовъ производства, кромѣ своей непосредственной важности, имѣетъ еще огромное посредственное значеніе. Это изученіе служитъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ увлеченій при разсужденіяхъ о распредѣленіи богатствъ. Законы производствъ указываютъ на ограниченіе въ производствѣ богатствъ, зависящія отъ физической природы вещей и на важность распространенія естествознанія въ народѣ, какъ необходимаго условія успѣшнаго производства.

Законы распредѣленія богатствъ имѣютъ совсѣмъ другой

(*) Основанія политической экономіи, т. I, стр. 245.

характеръ. Распредѣленіе богатствъ, говоритъ Милль, зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ различныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли-бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если-бы того захотѣли люди. Нѣтъ сомнѣнія, что мнѣніе и чувствованіе человѣчества не случайны. Они составляютъ результатъ законовъ человѣческой природы въ связи съ существующимъ положеніемъ знанія и опыта и существующимъ состояніемъ общественныхъ учрежденій и умственной и нравственной культуры (*).

Какая разница между взглядомъ Милля и взглядами другихъ экономистовъ на распредѣленіе богатствъ! Разберемъ напр. ученіе объ этомъ предметѣ Бастіа и его послѣдователей. Онъ смотритъ на законы распредѣленія, основанные на личномъ интересѣ и личномъ соперничествѣ, какъ на законы необходимости. Естественное экономическое устройство общества, по мнѣнію Бастіа, является произведеніемъ личнаго интереса и соперничества. Личный интересъ есть та сила, которая постоянно заставляетъ насъ стремиться къ открытіямъ, но въ тоже время къ ихъ монополизированію. Соперничество есть та общественная сила, которая вырываетъ открытія по мѣрѣ ихъ осуществленія изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ и передаетъ ихъ въ наслѣдство всему человѣчеству. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ силъ производитъ гармонію экономическихъ отношеній (**).

Такимъ образомъ всякій обмѣнъ справедливъ, если онъ свободенъ. Какъ-бы нибыла для одной стороны сильна потребность, говоритъ Бастіа, а для другой велико усиліе, но если обмѣнъ свободенъ, то обмѣниваемыя усилія другъ друга стоютъ. Справедливость, по мнѣнію Бастіа, вполнѣ освящаетъ желанія людей получить наибольшее количество ус-

(*) Ibidem: 246.

(**) Oeuvres complètes de Fréderic Bastiat, T. VI, Harmonies économiques, Paris 1855, стр. 45 и

лугъ за наименьшее количество своихъ собственныхъ, потому что сфера экономическая есть сфера своекорыстія, не требующая участія симпатическихъ чувствъ. Притомъ всякое стремленіе ввести въ экономическое отношеніе элементъ доброжелательства не только безполезно, но и вредно. Разъ допустивъ элементъ доброжелательства въ экономическихъ отношеніяхъ, мы, по мнѣнію Бастіа, не знали бы, гдѣ положить границу осуществленію этого начала въ народномъ хозяйствѣ. А такъ какъ справедливость не требуетъ участія симпатическихъ чувствъ въ экономіи народа, то Бастіа остается совершенно убѣжденнымъ въ необходимости и раціональности господства своекорыстія въ экономическихъ отношеніяхъ. Мы не можемъ согласиться съ Бастіа въ томъ, что справедливость заключается только въ обезпеченіи личности, собственности и свободы отдѣльныхъ членовъ общества (*). Такое опредѣленіе справедливости слишкомъ одностороннее. Истинную справедливость нельзя ограничивать этими рамками. Истинная справедливость можетъ допустить господство своекорыстія въ экономическихъ отношеніяхъ только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ общественное благо допускаетъ это господство. Нельзя отождествлять въ народномъ хозяйствѣ требованія господства своекорыстія съ требованіями справедливости. Допущеніе большаго или меньшаго ограниченія своекорыстія въ народномъ хозяйствѣ зависитъ отъ свойства и развитія народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время должно предоставить значительную свободу своекорыстію въ экономической жизни современныхъ народовъ; но Бастіа неправильно оцѣниваетъ относительное значеніе господства своекорыстія въ народномъ хозяйствѣ. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ ограниченію этого господства, онъ желаетъ полнаго его развитія. Отношенія, основанныя на личномъ соперничествѣ, по мнѣнію Бастіа, производятъ гармонію въ экономической жизни. Но такой взглядъ на гармонію въ экономическихъ отношеніяхъ одностороненъ. Въ настоящее

(*) Oeuvres complètes, v IV, la loi.

время какъ философія, такъ и факты практической жизни, показываютъ, что Бастіа ошибся во взглядѣ на гармонію экономическихъ отношеній. Современная практическая жизнь Западной Европы можетъ быть убѣдила-бы Бастіа въ дисгармоніи отношеній, основанныхъ на личномъ интересѣ и личномъ соперничествѣ, равно какъ и въ возможности проведенія началъ доброжелательства въ народное хозяйство, не нарушая безопасности и вообще въ томъ, что принципъ, водворяющій гармонію въ экономическихъ отношеніяхъ есть любовь, а не своекорыстіе. Для Бастіа, господство личнаго соперничества въ экономической жизни столь же необходимо какъ господство раздѣленія труда или другаго какого закона производства. Для него организація, основанная на личномъ соперничествѣ, какъ-бы существовала съ сотворенія міра и будетъ существовать до свѣтопредставленія. Однимъ словомъ, соперничество составляетъ для Бастіа альфу и омегу человѣческаго развитія. Нарушить его господство значитъ нарушить гармонію экономическихъ отношеній.

Не соглашаясь съ ученіемъ Бастіа мы равнымъ образомъ не можемъ совершенно согласиться и съ ученіями экономистовъ историковъ. Они признаютъ, что законы распредѣленія измѣняются вмѣстѣ съ развитіемъ народа. По ихъ представитель Рошеръ имѣетъ особый взглядъ на развитіе народнаго хозяйства. Онъ полагаетъ, что прогрессъ въ народномъ хозяйствѣ заключается въ приближеніи къ господству личнаго соперничества, которое и составляетъ вѣнецъ человѣческаго развитія (*). Странно только, что въ этомъ вѣнцѣ, по мнѣнію Рошера, человѣчество, въ настоящее время стоитъ на краю гибели. Дѣйствительно, современные образованные народы, судя по политической экономіи Рошера, находятся въ жалкомъ положеніи. Они должны двигаться по третьей ступени экономическаго развитія, но эта ступень приводитъ ихъ на край пропасти; шагнуть же на четвертую ступень они не могутъ, потому что таковой нѣтъ у Рошера. Собственно говоря, у него нѣтъ ни

(*) Die Grundlagen der National-Oekonomie, стр. 133.

одной истинной ступени, которая бы действительно обозначала моментъ экономическаго развитія человѣчества, потому что истинныя ступени народнаго хозяйства должно искать преимущественно въ соціальныхъ фазисахъ его устройства, а не въ такихъ внѣшнихъ признакахъ какъ напр. въ преобладаніи того или другаго фактора производства. Незная же развитія основныхъ сторонъ жизни человѣчества, онъ не могъ достигнуть и не достигъ знанія законовъ развитія народнаго хозяйства.

Экономисты-государствовѣды принимаютъ двоякаго рода законы распредѣленія. Одни законы основаны на личномъ соперничествѣ, другіе на соперничествѣ группъ, между членами которыхъ распредѣленіе совершается на другихъ началахъ. Но экономисты-государствовѣды не удовлетворительно объясняютъ относительное значеніе различныхъ видовъ распредѣленія; они, такъ сказать, представляютъ намъ одну эмпирическую систему существующихъ отношеній. Современные экономисты-историки и государствовѣды безспорно стоятъ гораздо выше послѣдователей старой экономической школы, но ни одинъ изъ нихъ не достигъ до такого яснаго пониманія законовъ распредѣленія, какое мы встрѣчаемъ у Милля.

Разсматривая взглядъ Милля на распредѣленіе, мы видимъ, что онъ дѣлитъ распредѣленіе на распредѣленіе въ тѣсномъ смыслѣ и обмѣнъ. У большинства экономистовъ мы не встрѣчаемъ такого подраздѣленія, у нихъ обыкновенно распредѣленіе поглощается обмѣномъ. Милль хорошо понялъ, что сначала нужно разсмотрѣть основныя условія распредѣленія, а потомъ уже перейдти къ разсмотрѣнію современныхъ законовъ обмѣна. Онъ показалъ, что эти условія далеко не могутъ имѣть такого значенія въ будущемъ, какое имъ приписываютъ обыкновенно экономисты. Милль лучше другихъ экономистовъ понимаетъ условія, отъ которыхъ зависятъ законы распредѣленія. Онъ ясно видитъ, что эти законы измѣняются сообразно съ измѣненіемъ въ чувствованіяхъ и мнѣніяхъ человѣчества, такъ что справедливость въ распредѣленіи есть вещь относительная; поэтому опредѣленіе основныхъ условій распредѣле-

нія зависитъ отъ законовъ прогресса. Зная эти законы, можно опредѣлить распредѣленіе, которое соотвѣтствуетъ настоящему состоянію общественнаго развитія. «Но законы происхожденія человѣческихъ мнѣній, говоритъ Милль, не относятся къ нашему предмету: они составляютъ часть общей теоріи человѣческаго прогресса, предмета изслѣдованія болѣе обширнаго и болѣе труднаго, чѣмъ политическая экономія. Мы должны здѣсь разсматривать не общія причины, а слѣдствія тѣхъ правилъ, по которымъ можетъ быть распредѣляемо богатство. А эти слѣдствія также мало произвольны и настолько же имѣютъ характеръ физическихъ законовъ, какъ законы производства. Люди могутъ контролировать свои собственныя дѣйствія, но не слѣдствія своихъ дѣйствій для нихъ самихъ или для другихъ людей. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатства какимъ угодно правиламъ, которыя можетъ считать наилучшими; но какіе практическіе результаты произойдутъ отъ дѣйствія этихъ правилъ, — эта, какъ и всякая другая физическая отвлеченная истина, должна быть раскрыта наблюденіемъ (*).»

Милль справедливо замѣчаетъ, что законы человѣческихъ мнѣній не составляютъ предмета политической экономіи. Но мы полагаемъ, что она не можетъ оставить въ сторонѣ законы развитія мнѣній и чувствъ человѣчества, потому что эти законы указываютъ на способъ распредѣленія, соотвѣтствующій данному состоянію общественнаго развитія. По этому экономистъ долженъ знать ихъ прежде, чѣмъ онъ приступитъ къ сужденію о законахъ распредѣленія. Милль же только говоритъ намъ, что въ различныя времена и въ разныхъ обществахъ правила, опредѣляющія распредѣленія весьма различны и могли бы стать еще различнѣе отъ первыхъ, если бы того захотѣли люди. Правда, въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ своему курсу политической экономіи, Милль описываетъ различные типы народнаго хозяйства, но эти описанія, оторванныя отъ законовъ развитія другихъ элементовъ общественной

(*) Основанія политической экономіи, т. I, стр. 247.

жизни, не указываютъ на дальнѣйшій ходъ человѣческаго развитія.

Изъ другихъ сочиненій Милля мы узнаемъ, что до сихъ поръ еще не открыты законы соціальной науки (*). Однимъ словомъ еще нѣтъ законовъ, которые бы указывали на основныя соціальныя условія будущаго развитія человѣчества. Не зная законовъ обществовѣдѣнія, мы лишаемся твердаго основанія въ сужденіяхъ о распредѣленіи. Дѣйствительно, почему та или другая организація должна считаться лучшею, или, вѣрнѣе сказать, соотвѣтствующею современному состоянію человѣчества? Милль думаетъ выйдти изъ затрудненія, принимая утилитарную философію за критеріумъ основныхъ началъ распредѣленія. Съ этой точки зрѣнія онъ и разбираетъ системы общности имуществъ и частной собственности.

Милль, излагая экономическія организаціи Овена, С. Симонистовъ и Фурье, находитъ, что всѣ эти организаціи могутъ осуществиться и что онѣ раціональнѣе системы частной собственности, взятой со всѣми ея недостатками. По этому Милль замѣчаетъ, что соціалистическія теоріи должно только сравнивать съ утилитарною теоріею частной собственности. Милль полагаетъ, что нельзя рѣшить: лучше-ли система общности имуществъ или система частной собственности. Рѣшеніе этого вопроса Милль предоставляетъ опыту. Въ настоящее же время экономисты должны преимущественно заниматься улучшеніемъ организаціи, построенной на господствѣ личнаго интереса и соперничествѣ.

Милль желаетъ рѣшить вопросъ о собственности посредствомъ опыта. Но опытомъ должны же руководить какія-нибудь теоретическія соображенія. По нашему мнѣнію такой опытъ можетъ быть плодотворенъ только тогда, когда онъ производится подъ контролемъ законовъ общественнаго развитія. А Милль, при разрѣшеніи вопроса о собственности, руководствуется утилитарною философіею. Утилитаризмъ же не разборчивъ на экономическія организа-

(*) A System of Logic, ст. 586; Auguste Comte and positivisme, стр. 120.

ціи, по этому Милль безпристрастно, но за то и весьма поверхностно относится ко всѣмъ соціалистическимъ организаціямъ. Мы полагаемъ, что для того, чтобы удовлетворительно обсудить экономическія организаціи соціалистовъ, нужно разсмотрѣть ихъ взглядъ на природу человѣка и цѣль его существованія. Безъ такой оцѣнки основаній соціалистическихъ системъ нельзя составить правильнаго о нихъ понятія. Милль же отрываетъ экономическую организацію отъ общаго взгляда соціалистовъ на основанія общественной жизни. По этому критика Милля соціалистовъ неудовлетворительна. По нашему мнѣнію Милль не анализировалъ взгляда соціалистовъ на природу человѣка, потому что утилитаріанизмъ не даетъ намъ надлежащаго критеріума для оцѣнки основанія общественной жизни. Утилитаріанизмъ признаетъ всякую организацію народнаго хозяйства, если эта организація можетъ доставить благосостояніе народнымъ массамъ. Самъ же онъ не можетъ выбрать лучшей организаціи для народнаго хозяйства. Для такого выбора психологическіе законы, лежащіе въ основаніе утилитаріанизма, представляютъ слишкомъ шаткій фундаментъ.

Теперь обратимся къ ученію Милля о частной собственности.

«Основной принципъ права собственности, говоритъ Милль, состоитъ въ признаніи за каждымъ лицомъ права на исключительное распоряженіе тѣмъ, что оно произвело своимъ собственнымъ трудомъ, или получило въ подарокъ, или по договору, безъ насилія и обмана, отъ лицъ, которыя произвели пришедшія къ нему вещи. Но какое же право имѣетъ капиталистъ–фабрикантъ на предметы, которые произведены трудомъ рабочихъ? На это Милль отвѣчаетъ, что трудомъ нельзя заниматься безъ матеріаловъ и машинъ, и безъ заготовленія впередъ запаса предметовъ, необходимыхъ для содержанія работниковъ во время производства. Всѣ эти вещи плоды предъидущаго труда. Если бы работники владѣли ими, имъ небыло бы надобности дѣлиться съ кѣмъ нибудь продуктами; но они не имѣютъ ихъ и потому людямъ, имѣющимъ ихъ, должно

быть дано вознагражденіе за предъидущій трудъ и за воздержаніе, благодаря которому продуктъ этого труда сохранился на это употребленіе, вмѣсто того, чтобы быть растраченнымъ на удовольствія (*). Изъ права лица на вещи, произведенныя имъ, вытекаетъ право лица на вещи, произведенныя другими, если эти вещи получаются по ихъ свободному согласію; въ такомъ случаѣ лицо, которое произвело вещь, можетъ подарить или добровольно обмѣнять ее на вещь, которую считаетъ за равноцѣнную ей, и препятствовать такой мѣнѣ, значило бы нарушить право его собственности на продуктъ его собственнаго труда. Изъ этого слѣдуетъ, что право завѣщанія или посмертнаго даренія составляетъ принадлежность идеи частной собственности; но право наслѣдства ab intestato не составляетъ во всѣхъ случаяхъ принадлежности понятія частной собственности (**).»

Милль полагаетъ, что въ настоящее время нѣтъ причинъ существовать наслѣдству по закону въ боковыхъ линіяхъ, и если основательныя права на наслѣдства принадлежатъ кому нибудь, родственникамъ или неродственникамъ, то настоящее средство удовлетворить этимъ правамъ—завѣщаніе.«Права дѣтей, говоритъ Милль, не таковы: они дѣйствительно справедливы и неопровержимы. Каждый человѣкъ, имѣющій дѣтей, долженъ содержать и воспитать ихъ такъ, чтобы онѣ имѣли средства содержать себя, когда выростутъ. По этому Милль полагаетъ ограничить право дѣтей на наслѣдство по закону тѣмъ размѣромъ, который признается удовлетворительнымъ для ихъ содержанія. Остальное имущество, можетъ быть обращено на общественную пользу (***).»

Право завѣщанія, какъ мы видѣли составляетъ принадлежность права собственности. Однако Милль полагаетъ, что правильно было бы, чтобы каждый могъ располагать по завѣщанію всѣмъ своимъ имуществомъ, но не могъ бы расточи-

(*) Основанія политической экономіи, стр. 264.
(**) Ibidem, стр. 267.
(***) Ib. стр. 270

тельно обращать его на обогащеніе одного лица — выше извѣстной мѣры, и этимъ высшимъ размѣромъ было бы постановлено количество, достаточное для обезпеченія благосостоятельной независимости.

Милль видитъ возможность введенія этого ограниченія въ законную силу, тогда только, когда общественное мнѣніе вполнѣ убѣдится въ его раціональности.

Почему же взглядъ Милля на частную собственность кажется многимъ враждебнымъ ей? Мы полагаемъ, что мнѣніе Милля о наслѣдствѣ подало поводъ къ заподозрѣнію его во враждебныхъ отношеніяхъ къ частной собственности. Мнѣніе Милля о наслѣдствѣ дѣйствительно не согласно съ постановленіями объ этомъ предметѣ Германскаго, Французскаго и Англійскаго законодательствъ. А что не согласно съ существующими законодательствами образованныхъ странъ, то съ трудомъ принимается государственными науками. При томъ Милль требуетъ ограниченія права наслѣдства въ видахъ предоставленія части имуществъ, которая бы шла частнымъ лицамъ, всему обществу, — а это по мнѣнію многихъ ученыхъ — соціализмъ. Въ дѣйствительности это не соціализмъ, а утилитаріанизмъ.

По нашему мнѣнію, Милль оставляетъ много недоумѣній и рѣшаетъ удовлетворительнаго вопроса о собственности и наслѣдствѣ на основаніи пользы отдѣльныхъ лицъ и всего общества. Но можно возражать противъ нѣкоторыхъ положеній Милля съ утилитарной же точки зрѣнія. Такъ Милль говоритъ, что желательно бы было, чтобы каждый не могъ расточительно обращать своего имущества на обогащеніе одного лица выше извѣстной мѣры. Въ дѣйствительности же для общества можетъ быть гораздо полезнѣе, чтобы имущество перешло отъ завѣщателя къ одному лицу, если это лицо производительное, нежели къ десяти непроизводительнымъ лицамъ. Прочитавши Милля, легко можно убѣдиться, что онъ не желаетъ приносить отдѣльныхъ лицъ въ жертву обществу. Онъ хочетъ только, чтобы нѣкоторыя отдѣльныя лица не получали даромъ огромнаго богатства, тогда какъ большинство

трудящихся членовъ общества можетъ быть не имѣетъ самыхъ необходимыхъ для своего существованія средствъ.

Право собственности на землю, по мнѣнію Милля, оправдывается тѣмъ, что необходимъ трудъ и капиталъ для ея воздѣлыванія. Плоды такого труда не могутъ быть получены въ короткое время; расходы на обработку земли дѣлаются вдругъ, а выгоды распредѣляются на многіе годы. Человѣкъ, въ пользованіи котораго находится земля, не станетъ совершать этого труда и расхода, если они обратятся не въ пользованіе ему, а чужимъ людямъ. Чтобы приняться за такія улучшенія, ему нужно имѣть достаточный періодъ для пользованія выгодами ихъ; а чтобы у него была увѣренность достичь этихъ выгодъ, было сочтено необходимымъ дать ему вѣчное право на землю; но если улучшенія не дѣлаются, то нельзя оправдать экономическую сторону существованія поземельной собственности (*).»

Милль особенно нападаетъ на устройство поземельной собственности въ Ирландіи. «За немногими исключеніями, говоритъ Милль, Ирландскіе землевладѣльцы только истощаютъ производительность земли; къ нимъ буквально примѣняется эпиграмма, сказанная при совѣщаніяхъ о томъ, чѣмъ обременены земли: «величайшее обремененіе земель — землевладѣльцы. Ничего не возвращая землѣ, они потребляютъ весь ея продуктъ, за исключеніемъ количества картофеля, необходимаго для сохраненія жителей отъ голодной смерти; а когда они вздумаютъ сдѣлать улучшеніе, то обыкновеннымъ приступомъ къ нему служитъ то, что они отнимаютъ даже и эту скудную долю у жителей, которыхъ прогоняютъ питаться милостыней или умирать съ голода. Когда поземельная собственность стала въ такое положеніе, то прекращается возможность защищать ее, и настаетъ время какъ нибудь иначе устроить это дѣло» (**).

Милль полагаетъ, что право землевладѣльцевъ на землю

(*) Основанія политической экономіи, стр. 277.

(**) 280.

должно быть подчинено общей государственной политикѣ. Принципъ собственности не дастъ имъ неотъемлемаго права на землю, а даетъ только право на вознагражденіе за ту часть получаемыхъ ими отъ земли выгодъ, которую государство по своимъ надобностямъ найдетъ полезнымъ взять у нихъ. Право ихъ на такое вознагражденіе неотъемлемо (*).

Ученіе Милля о собственности было встрѣчено въ Англіи съ страшнымъ негодованіемъ. Всѣ публицисты, которые сколько-нибудь держались этого ученія, получали названіе враговъ общественнаго порядка. Стоитъ только вспомнить, какимъ нападеніямъ года три тому назадъ подвергались Брайтъ и Кобденъ за старанія ихъ въ пользу облегченія перехода поземельной собственности изъ рукъ крупныхъ землевладѣльцевъ во владѣніе мелкихъ собственниковъ. Times и другіе органы общественнаго мнѣнія Англіи сильно вознегодовали на Брайта и Кобдена за такія предложенія. На Милля же смотрѣли какъ на человѣка, крайне опаснаго для государства, особенно за то, что онъ такъ смѣло высказывался противъ злоупотребленія поземельной собственности въ Ирландіи. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ дѣла сильно измѣнились.

Возстаніе Феніевъ показало справедливость и раціональность улучшеній, которыхъ требовали Милль и его послѣдователи въ устройствѣ поземельной собственности Ирландіи. Истинными врагами общественнаго спокойствія оказались люди, которые такъ упорно защищали произволъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Въ настоящее время, въ Англіи было предложено правительствомъ нѣсколько мѣръ, клонящихся къ улучшенію устройства Ирландскаго поземельнаго владѣнія. Почтенные джентльмены, предлагавшіе эти мѣры въ парламентѣ, приводили въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній выдержки изъ политической экономіи Милля, объясняя, что Милль, хотя человѣкъ крайнихъ убѣжденій, но все же авторитетъ въ вопросахъ, касающихся улучшенія поземельной собственности.

Милль не безъ основанія утверждалъ, что поземельная

(*) Ibidem II Эк., стр. 281.

собственность составляетъ собственность sui generis; но онъ не обратилъ вниманія на выводы современной химіи, имѣющіе огромное значеніе для раціональнаго пониманія права поземельной собственности.

Либихъ доказалъ необходимость полнаго возврата снятыхъ съ почвы минеральныхъ частей. Безъ такого возврата почва истощится и народонаселенію нечѣмъ будетъ питаться; поэтому необходимо, чтобы землевладѣлецъ возвращалъ почвѣ снятыя съ нея минеральныя части; такъ что даже всякія временныя улучшенія, не согласныя съ закономъ полнаго возврата, должно считать не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ сельскаго хозяйства. Отсюда вытекаетъ право и обязанность государства стремиться къ осуществленію закона полнаго возврата.

Поэтому землевладѣльцамъ можетъ принадлежать только право раціональнаго пользованія землею, а право на землю должно принадлежать государству, какъ высшему органу человѣчества, заботящемуся не только о благосостояніи существующаго поколѣнія, но и о томъ, чтобы и для будущихъ поколѣній сохранялись и увеличивались производительныя силы страны. Если же наукою доказано, что, неудовлетворяя закону полнаго возврата, земледѣліе придетъ въ совершенный упадокъ, то государство должно наблюдать за соблюденіемъ этого закона землевладѣльцами Поэтому, въ принципѣ нужно принять, что землевладѣлецъ (все равно, будетъ-ли это отдѣльное лицо или община) не имѣетъ права вести хозяйство, въ которомъ не возвращается всѣхъ минеральныхъ частей почвы, хотя бы такое хозяйство и доставляло ему выгоду. Безспорно, что сразу невозможно устроить на этихъ началахъ народное хозяйство, но въ стремленіи къ ихъ осуществленію должна заключаться цѣль общественныхъ преобразованій. Приверженцы господствующей теоріи неограниченные частной собственности могутъ возразить намъ, что государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ способъ пользованія землею. Конечно, съ ихъ точки зрѣнія, — не имѣетъ. Но ошибка заключается въ ихъ воззрѣніи на основанія права собственности; а не въ началахъ нами защищаемыхъ.

Государство, по нашему мнѣнію, обязано вмѣшиваться во всякую дѣятельность, если того требуютъ законы природы, и частныя лица должны съ покорностію подчиняться этому вмѣшательству, какъ началу, вытекающему изъ требованія разума и любви къ человѣчеству.

Съ воззрѣніемъ на общія основанія системы частной собственности тѣсно связано удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о томъ, какая система землевладѣнія раціональнѣе? — При существующей нынѣ организаціи промышленности надо отдать преимущество мелкому землевладѣнію: оно обыкновенно меньше, чѣмъ крупное истощаетъ землю и установляетъ болѣе раціональное отношеніе труда къ капиталу. По мнѣнію Либиха, очень крупное землевладѣніе ведетъ къ хозяйству расхищающему богатства почвы. «Только тамъ, говоритъ Либихъ, въ теченіе столѣтій плодородіе почвы сохранилось безъ ослабленія, гдѣ земледѣльческое населеніе живетъ тѣсно, на небольшомъ пространствѣ земли, гдѣ ремесленники и обыватели, живущіе въ небольшихъ, на тѣхъ же участкахъ расположенныхъ городахъ, имѣютъ свои полевые участки и сами воздѣлываютъ ихъ вмѣстѣ съ своими домашними (*).» Но нельзя опредѣлить абсолютную величину участка раціональной системы землевладѣнія; величина эта зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ общественной жизни. Въ заключеніи должно сказать, что въ настоящее время теорія Либиха и современная философія требуютъ, чтобы общество обращало вниманіе не на способъ происхожденія собственности, а на раціональное пользованіе ею.

Изложивъ законы, управляющіе рабочею платою, прибылью и рентою, Милль переходитъ къ разсмотрѣнію обмѣна. Онъ весьма основательно показываетъ отношеніе законовъ обмѣна къ другимъ частямъ экономической науки. «Изъ двухъ отдѣловъ политической экономіи, говоритъ Милль, понятіе цѣнности относится лишь къ распредѣленію богатства, не относясь къ его производству; да и распредѣленія касается оно

(*) Земледѣль. химія Либиха. Пер. Ильенкова, т. I, стр. 214.

лишь въ той мѣрѣ, въ какой распредѣляющею силою является соперничество, а не обычай или обыкновеніе. Условія и законы производства остались-бы точно тѣ же, какъ нынѣ, если бы устройство общества не зависило отъ обмѣна или не допускало его. Даже и при нынѣшнемъ устройствѣ промышленной жизни, когда занятія раздѣлены очень дробно и вознагражденіе всѣхъ участвующихъ въ производствѣ опредѣляется цѣною какого нибудь одного товара, даже и тутъ обмѣнъ не служитъ основнымъ закономъ распредѣленія продукта, все равно, какъ дороги и фуры не служатъ существенными законами движенія, а составляютъ лишь часть механизма, посредствомъ котораго идетъ движеніе. Смѣшивать эти понятія значитъ, по моему мнѣнію, дѣлать не только логическую, но и практическую ошибку. Въ политической экономіи слишкомъ часто дѣлаютъ ту ошибку, что не различаютъ необходимость, возникающую изъ существа дѣла, отъ необходимости, создаваемой общественнымъ устройствомъ; и это, какъ мнѣ кажется, всегда производитъ два противоположныя дурныя послѣдствія. Съ одной стороны политико-экономы ставятъ часто временныя истины своего предмета въ рядъ вѣчныхъ и всеобщихъ его законовъ; а съ другой стороны, оттого же самаго многіе принимаютъ вѣчные законы производства (какъ напр. законы, на которыхъ основана необходимость сдерживать размноженіе людей) за временныя и случайныя послѣдствія нынѣшняго общественнаго устройства, — послѣдствія, которыми можно пренебрегать при составленіи новой системы общественнаго устройства (*).»

«Но дѣйствительно вопросъ о цѣнности есть основной вопросъ при томъ состояніи общества, когда промышленная система вполнѣ основана на покупкѣ и продажѣ, когда почти каждый живетъ не столько вещами, въ производствѣ которыхъ участвуетъ самъ, сколько вещами, получаемыми черезъ двойной обмѣнъ, черезъ продажу и покупку.»

Милль принимаетъ эгоизмъ за исключительный факторъ

(*) Основ. Полит. Эк. Т. II, стр. 491.

современныхъ законовъ обмѣна. За это онъ подвергается сильнымъ нападеніямъ со стороны многихъ новѣйшихъ экономистовъ. Но мы полагаемъ, что иначе нельзя выводить эти законы. Экономисты, критикующіе Милля, обыкновенно говорятъ, что принятіе исключительнаго господства своекорыстія въ экономической жизни, противно нравственности и идеѣ государства. Но если это такъ, то надо винить самыя условія современнаго обмѣна, а не то, что Милль принимаетъ основаніе этого обмѣна, какъ оно дѣйствительно существуетъ, и не толкуетъ о дѣйствіи любви къ ближнему тамъ, гдѣ это дѣйствіе не обнаруживается.

Экономисты историки и обществовѣды, отвергая эгоизмъ, какъ основной факторъ законовъ распредѣленія, желаютъ объяснить тѣ же эгоистическіе законы какими-то высшими нравственными началами; но такъ какъ это дѣло не возможное, то ихъ объясненія только затѣмняютъ само по себѣ ясные вопросы.

Въ настоящее время въ германской экономической литературѣ часто появляются новыя теоріи обмѣна. Но эти теоріи не удовлетворительны. Даже лучшіе изъ экономистовъ въ своихъ попыткахъ пересоздать законы абстрактной политической экономіи, обнаруживаютъ крайнюю неспособность къ философскимъ разсужденіямъ. Въ видѣ примѣра, мы укажемъ на сужденія Гильдебранда о законахъ распредѣленія. Хозяйство людей, по мнѣнію Гильдебранда, или та сумма человѣческаго труда, которую общество употребляетъ на подчиненіе силъ природы цѣлямъ своего существованія, является продуктомъ естественныхъ и психологическихъ законовъ. Неизмѣнные законы безсознательной природы, снабжающіе человѣка предметами потребными для хозяйства и законы физической природы человѣка имѣютъ опредѣленное вліяніе на устройство хозяйства (*). Но между этими, самою природою положенными границами лежитъ необходимое поле хозяйственныхъ возможно-

(*) Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik, von Bruno Hildebrand, 1863; 2 Heft. стр. 142. и слѣд.

стей, надъ которыми господствуетъ духъ человѣка, управляемый постоянными законами. Психологическіе же законы отличаются отъ физическихъ не только тѣмъ, что они дѣйствуютъ исключительно въ человѣческомъ сознаніи и чрезъ него, но и тѣмъ, что они оставляютъ въ полной силѣ нравственныя идеи, нравственный долгъ и отвѣтственность человѣка за дѣянія. Экономическіе законы составляютъ, по мнѣнію Гильдебранда, совершенно новый продуктъ, съ особеннымъ жизненнымъ принципомъ, несходный съ обоими факторами, которымъ онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ.

Психологическіе законы остаются неизмѣнными, а человѣческое хозяйство подвергается постояннымъ измѣненіямъ. Каждое новое поколѣніе, проходящее по земному шару, прибавляетъ къ хозяйству новое звѣно, которое всегда доказываетъ высшую ступень развитія человѣческой культуры. Поэтому Гильдебрандъ не признаетъ эгоизма за исключительный факторъ законовъ обмѣна. Отвергая эгоизмъ, какъ основаніе обмѣна, онъ этимъ разрушаетъ большинство абстрактныхъ экономическихъ законовъ; но самъ онъ не признаетъ никакихъ новыхъ началъ распредѣленія. Притомъ, отвергая своекорыстіе, какъ основное начало политической экономіи, онъ самъ далѣе защищаетъ его при разсужденіи о важнѣйшихъ экономическихъ законахъ. Напр., при разборѣ нападеній соціалистовъ на торговлю, онъ говоритъ, что торговля, сама по себѣ, не есть признакъ деморализаціи, а представляетъ только область, въ которой по преимуществу высказывается эгоизмъ человѣка. Онъ признаетъ, слѣдовательно, что законы обмѣна основаны на своекорыстіи. Онъ только осуждаетъ особенно безнравственныя проявленія своекорыстія въ торговлѣ, напр., биржевую игру и т. п. Но въ такомъ случаѣ Гильдебрандъ не долженъ былъ отвергать своекорыстія, какъ основнаго начала политической экономіи, потому что ни одинъ разумный экономистъ Смитовой школы не потребуетъ, чтобы господство своекорыстія было абсолютнымъ началомъ экономической жизни, недопускающимъ исключеній. Отвергая принципъ и въ тоже время принимая его въ отдѣльныхъ проявле-

ніяхъ экономической жизни. Гильдебрандъ очевидно не могъ выяснить оснований своей собственной теоріи.

Милль стоитъ гораздо выше Гильдебранда въ пониманіи политической экономіи. По нашему мнѣнію, даже Бастіа излагаетъ абстрактные законы политической экономіи лучше чѣмъ Гильдебрандъ и многіе другіе новѣйшіе экономисты-реформаторы. Бастіа конечно ошибается, принимая личное соперничество за неизмѣнную организацію человѣчества; но за то онъ является экономистомъ, твердо держащимся основныхъ началъ политической экономіи. Онъ прямо высказываетъ, какіе принципы составляютъ дѣйствительное основаніе современнаго обмѣна. Онъ не старается, подъ предлогомъ облагораживанія науки, затѣмняя ея основаніе, представлять ея начала въ сложной, запутанной формѣ. Напротивъ, онъ всегда ясно излагаетъ основаніе экономическихъ явленій и общіе ихъ законы. Бастіа, лучше многихъ современныхъ реформаторовъ, характеризуетъ коренные общественные элементы хозяйства образованныхъ народовъ. Онъ неправильно только понялъ значеніе условій современнаго обмѣна. Онъ слишкомъ преувеличилъ ихъ важность. Но это преувеличеніе нашло себѣ еще болѣе сильнаго защитника въ лицѣ Маклеода, который всю политическую экономію принимаетъ за теорію обмѣна цѣнностей.

Предметъ политической экономіи, по мнѣнію Маклеода, составляютъ законы, опредѣляющіе мѣновыя отношенія количествъ (*). «Если-бъ не существовало обмѣна, говоритъ Маклеодъ, то не было бы и науки политической экономіи. По этому, раздѣленіе политической экономіи на производство, распредѣленіе и потребленіе богатства очевидно не даютъ точнаго о наукѣ понятія. Богатство можетъ быть производимо, распредѣляемо и потребляемо безъ акта мѣны и, слѣдовательно, безъ участія тѣхъ законовъ, которые должны входить въ

(*) Основанія политической экономіи, Г. Д. Маклеода, переводъ съ англійскаго М. П. Веселовскаго, С.-Петербургъ 1865 г. т I—II. Предисловіе автора стр. 2, т. I

каждое изъ отправленій, включаемыхъ въ область политической экономіи (*). Маклеодъ полагаетъ, что всякая организація труда и капитала не можетъ имѣть успѣха. Онъ отвергаетъ всякую общность хозяйствъ. Впрочемъ, замѣчаетъ Маклеодъ, доказано опытомъ, что общность хозяйствъ можетъ успѣшно существовать подъ условіями извѣстнаго нравственнаго настроенія общества, именно для этого необходимы такія патріархальныя ощущенія людей, какія мы встрѣчаемъ въ степяхъ Аравіи, или въ шотландскихъ горахъ. По этому начала политической экономіи должны исключительно быть основанными на правѣ собственности, на ненарушимомъ правѣ каждаго человѣка удерживать въ свою пользу плоды своей дѣятельности и обмѣнивать ихъ на чужія произведенія по своему усмотрѣнію и въ тѣхъ размѣрахъ, которые соотвѣтствуютъ требованію на нихъ.

Этими-то обмѣнами и различными размѣрами, въ которыхъ предметы обмѣниваются одни на другіе, наука политической экономіи и должна, по мнѣнію Маклеода, ограничиться.

Эмиграція, товарищества рабочихъ, и другіе важные экономическіе вопросы Маклеодъ относитъ къ болѣе обширной отрасли знанія социалогіи, въ которой политическая экономія занимаетъ особый отдѣлъ. Сокращая объемъ политической экономіи, говоритъ онъ, мы увеличиваемъ ея силу.

«Всѣ предметы, разсматриваемые въ моемъ курсѣ политической экономіи, замѣчаетъ Маклеодъ, подлежатъ точнымъ научнымъ доказательствамъ. По каждому предмету, обсуждаемому въ настоящемъ трудѣ, можно прійдти къ такой же несомнѣнной истинѣ, какъ въ геометріи.»

«Во всѣхъ отношеніяхъ наша наука есть наука точная in se ipso totus, teres, atque rotundus. По всѣмъ предметамъ настоящаго труда можно дойти до абсолютной истины. По вопросамъ же о налогахъ, эмиграціи и т. д., невозможно дойти до истины абсолютной, общей, потому что всѣ эти вопросы относятся къ знаніямъ видоизмѣняющимся, неточнымъ (*).»

(*) Ib т. 1. стр. 14.

Мы видимъ, что Маклеодъ ограничиваетъ политическую экономію одними законами мѣны. Это ограниченіе онъ оправдываетъ тѣмъ, что только въ законахъ мѣны можно дойти до общей, абсолютной истины. Почему же Маклеодъ исключаетъ изъ политической экономіи производство, которое преимущественно основано на точныхъ законахъ естествовѣдѣнія (*)? Намъ кажется, что на это Маклеодъ можетъ только раціонально отвѣчать, что узкія рамки, даваемыя имъ политической экономіи, не дозволяютъ включеніе въ нее производства, какъ самостоятельной части народной экономіи.

Въ изслѣдованіи мѣны, говоритъ Маклеодъ, можно дойти до истины общей, абсолютной. Говоря это, Маклеодъ вѣроятно забылъ, что мѣновыя отношенія принадлежатъ къ явленіямъ общественнымъ, и потому должны измѣняться вмѣстѣ съ видоизмѣніями основныхъ началъ общественной жизни. Впрочемъ, Маклеодъ самъ принимаетъ, что законы мѣны не имѣютъ, напримѣръ, дѣйствія въ патріархальномъ государствѣ. Поэтому, надо полагать, что, по мнѣнію Маклеода, только на будущее время законы мѣны останутся святы и ненарушимы.

Такое предположеніе дѣйствительно подтверждаетъ нѣсколько мѣстъ маклеодовой политической экономіи. Такъ что, еслибы жизнь Европы подчинилась ученію Маклеода, то развитіе европейскихъ народовъ должно бы было остановиться.

Но такъ какъ развитіе европейской жизни идетъ своимъ чередомъ, измѣняя организацію, основанную на личномъ интересѣ и личномъ соперничествѣ, то мы не можемъ признать всеобщаго, абсолютнаго значенія современныхъ законовъ мѣны. По нашему мнѣнію, Маклеодъ могъ только сказать, что при нынѣшнихъ экономическихъ отношеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, законы мѣны имѣютъ силу. Мы также полагаемъ, что законы мѣны изслѣдованы лучше, нежели большинство другихъ общественныхъ законовъ.

Важнѣйшіе экономическіе вопросы, какъ напримѣръ, во-

(*) Т. I, стр. 17

просъ объ эмиграціи, о бѣдныхъ и т. п. Маклеодъ относитъ къ социалогіи, исключая ихъ изъ области политической экономіи. Но социалогія удовлетворительно разрѣшить ихъ не можетъ, не нарушая нѣкоторыхъ изъ существующихъ законовъ мѣны; а такъ какъ, по мнѣнію Маклеода, законы обмѣна неизмѣнны, то выходитъ, что эти вопросы удовлетворительно разрѣшены быть не могутъ.

Мы видѣли, что Маклеодъ принимаетъ политическую экономію за науку, опредѣляющую мѣновыя отношенія количествъ. Мы показали нераціональность такого ограниченія области политической экономіи. Но теперь посмотримъ, къ какимъ результатамъ приводитъ Маклеода изложеніе законовъ обмѣна. Въ предварительныхъ соображеніяхъ объ обмѣнѣ Маклеодъ ищетъ общее выраженіе, которое указало бы на обстоятельства, управляющія мѣновыми отношеніями количествъ, или измѣненіями ихъ цѣнности. Поэтому, онъ старается отыскать причины, вліяющіе на цѣны или ихъ измѣненія. Маклеодъ полагаетъ, что если мы откроемъ какую-либо общую форму выраженія, которая примѣнялась бы во всѣхъ случаяхъ, во всякое время и повсемѣстно, то политическая экономія получитъ значеніе науки индуктивной. Онъ находитъ, что на самомъ дѣлѣ можетъ быть отыскана форма выраженія, способная къ общему примѣненію. Это общее выраженіе, этотъ общій законъ Маклеодъ формулируетъ такъ: «цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцомъ (*).» Далѣе Маклеодъ излагаетъ философское основаніе этого выраженія. «Это выраженіе, говоритъ онъ, при правильномъ его истолкованіи, можетъ имѣть всеобщее примѣненіе и обнимать собою сдѣлки всякаго рода, будетъ ли идти рѣчь о цѣнахъ при абсолютной покупкѣ или о заработанной платѣ, или о рентѣ, или о процентѣ. Но этотъ законъ, полученный путемъ строгаго наведенія отъ предполагаемыхъ случаевъ, вполнѣ возможныхъ и, слѣдовательно,

(*) Т. I, стр. 105.

допускаемыхъ въ области философіи, случаевъ, которые составляютъ свѣтоносные опыты (lucéfera experimenta), столь высокочтимые Бекономъ въ дѣлѣ открытія общихъ началъ, есть тотъ общій законъ, который мы здѣсь отыскиваемъ. Здѣсь мы видимъ примѣръ того, что въ философіи называется закономъ непрерывности (Law of continuity), потому что, какъ скоро мы доказали, что этотъ законъ вѣренъ въ примѣненіи къ двумъ крайнимъ выраженіямъ, то онъ долженъ быть необходимо вѣренъ въ примѣненіи ко всѣмъ промежуточнымъ пунктамъ. То, что̀ вѣрно въ приложеніяхъ къ крайностямъ, всегда вѣрно въ приложеніи къ среднимъ величинамъ (*).»

Затѣмъ, въ своемъ курсѣ политической экономіи Маклеодъ старается примѣнить этотъ законъ ко всѣмъ предметамъ, включаемымъ имъ въ ея область.

Маклеодъ принимаетъ изложенный имъ законъ цѣнъ за законъ общій, абсолютный, который прилагается во всѣхъ случаяхъ, во всякое время и повсемѣстно. На самомъ же дѣлѣ этотъ законъ не имѣетъ такого абсолютнаго значенія. Онъ имѣетъ силу только подъ условіемъ исключительнаго господства своекорыстія и соперничества. Но мы не можемъ принять неизмѣннаго существованія этихъ условій. Самъ Маклеодъ, какъ мы видѣли, принимаетъ, что въ патріархальныхъ государствахъ существуютъ другія условія обмѣна.

Поэтому, вышеизложенный законъ, опредѣляющій цѣну, не можетъ имѣть абсолютной силы. Онъ зависитъ отъ опредѣленыхъ условій, условій, которыя господствуютъ только при извѣстномъ состояніи человѣческаго развитія.

Въ настоящее время дѣйствительно эти условія господствуютъ въ экономической жизни образованныхъ народовъ; поэтому, законъ предложенія и спроса обыкновенно опредѣляетъ цѣну вещей. Но дѣйствія этого закона въ современномъ хозяйствѣ образованныхъ народовъ никто не оспориваетъ. Онъ излагается во всякомъ элементарномъ курсѣ политической экономіи. Для открытія его не нужно было дѣлать свѣ-

---

(*) Ibidem.

топосныхъ опытовъ, столь высскочтимыхъ Бекономъ въ дѣлѣ открытія общихъ началъ. Маклеодъ можетъ только похвастать, что приводимыя имъ lucifera experimenta представляютъ вышеизложенный законъ въ самомъ безобразномъ его проявленіи. А именно: Маклеодъ говоритъ, что если одинъ лодочникъ прiѣдетъ спасать утопающаго, то не только услуга его будетъ весьма значительна, но утопающій будетъ совершенно во власти лодочника, и долженъ принять всѣ его условія, какъ бы онѣ ни были жестоки и чрезмѣрны. На самомъ дѣлѣ, это примѣръ весьма крайняго приложенія закона предложенія и спроса. По нашему мнѣнію, за такое приложеніе этого закона слѣдовало бы лодочника подвергнуть строгому осужденію. Но для Маклеода всякое примѣненіе закона предложенія и спроса необходимо, законно, похвально и благодѣтельно.

Всѣ экономисты принимаютъ законъ предложенія и спроса; Маклеодъ отличается отъ нихъ только тѣмъ, что онъ излагаетъ этотъ законъ безъ дальнѣйшаго анализа производства цѣнностей.

Теперь посмотримъ, какимъ способомъ Маклеодъ объясняетъ посредствомъ своего закона цѣнъ нѣкоторые отдѣльные экономическіе вопросы. Обратимся, напримѣръ, къ его ученію о рентѣ. «Рента, по мнѣнію Маклеода, есть сумма, платимая владѣльцу за пользованіе его землею. Но когда занимаемый капиталъ заключается въ землѣ, власть покупщика надъ продавцомъ бываетъ сильнѣе, чѣмъ когда дѣло идетъ о денежномъ капиталѣ, потому что для землевладѣльца не можетъ быть другаго столь значительнаго неудобства, какъ имѣть разомъ на рукахъ значительную часть своихъ владѣній. По этому, Маклеодъ полагаетъ, что цѣна поземельнаго капитала должна быть ниже цѣны капитала денежнаго (*).

Однимъ словомъ, власть покупщика надъ продавцомъ есть одна изъ истинныхъ причинъ, вліяющихъ на разность цѣнъ денежнаго и поземельнаго капитала. Поземельная рента, говоритъ Маклеодъ, рѣдко превосходитъ 2% и 3% со стои-

(*) Основанія политической экономіи, т. I, ст. 215.

мости земли, и часто бываетъ даже ниже этого размѣра. Чтобы узнать размѣръ ренты, должно изъ дохода, доставляемаго фермою, вычесть общественныя тягости, требуемыя государствомъ въ видѣ налоговъ, содержаніе самаго фермера, издержки на рабочихъ людей и скотъ при фермѣ, и расходъ на доставленіе продуктовъ къ рынку; остатокъ содержитъ фондъ, заключающій въ себѣ ренту землевладѣльца и прибыль фермера.

Пропорція, въ которой этотъ фондъ окончательно раздѣляется, опредѣляется общимъ закономъ цѣнъ. Положеніе съемщика, по мнѣнію Маклеода, прочнѣе, чѣмъ положеніе землевладѣльца. Потому, когда прибыли фермера и рента землевладѣльца приходятъ въ столкновеніе, рента послѣдняго должна бываетъ уступить. Присущая положенію съемщика прочность объясняетъ, почему цѣна на хлѣбъ опредѣляетъ размѣръ ренты.

Положеніе фермера одинаково съ положеніемъ фабриканта. Оба они должны предварительно сообразить, какъ будетъ велика вѣроятная продажная цѣнность предмета, и затѣмъ употребить всю энергію на уменьшеніе издержекъ производства.

Несомнѣнно, продолжаетъ Маклеодъ, что издержки производства и цѣнность произведеній должны быть въ извѣстномъ соотношеніи другъ съ другомъ. Но вопросъ о томъ, которая изъ величинъ преобладаетъ и которая стоитъ въ зависимости, приводится къ различію между системами протекціи и свободной торговли. Первая система представляетъ прямую премію нерасчетливости и незнанія и ограничиваетъ производства; вторая система, напротивъ, одобряетъ знаніе и энергію, возбуждаетъ производительность и такимъ образомъ расточаетъ блага изобилія и дешевизны, какія только допускаются обстоятельствами.»

Мы видимъ, что Маклеодъ весьма просто объясняетъ ренту. По его мнѣнію, рента опредѣляется предложеніемъ землевладѣльцевъ и спросомъ фермеровъ. Мы согласны, что предложеніе и спросъ имѣютъ вліяніе на ренту. Но вывести изъ этого положенія все ученіе о рентѣ нѣтъ никакой возможно-

сти. Для удовлетворительнаго разъясненія этого вопроса необходимо имѣть научный анализъ земледѣльческой промышленности, основанный на знаніи современныхъ законовъ земледѣлія. Маклеодъ же, объясняя ренту вышесказанными положеніями, впадаетъ въ грубыя ошибки. Нельзя согласиться съ Маклеодомъ въ томъ, что земля даетъ въ западной Европѣ меньшій процентъ противъ обыкновеннаго, потому что будто бы власть фермера надъ землевладѣльцемъ больше, чѣмъ власть фабриканта надъ капиталистомъ. Маклеодъ долженъ былъ бы знать, что при свободномъ обмѣнѣ, проценты со всѣхъ родовъ капитала сравниваются. Если какой либо капиталъ приноситъ меньшій доходъ, то стоимость его упадаетъ. Стоимость же поземельнаго капитала, несмотря на меньшій его процентъ не уменьшается, потому что уваженіе и другія общественныя выгоды, связанныя съ владѣніемъ поземельною собственностію, заставляютъ довольствоваться меньшимъ противъ обыкновеннаго процентомъ. Если бы низкій процентъ, получаемый съ поземельной собственности, зависѣлъ отъ власти фермера надъ землевладѣльцемъ, то земли должны бы были упасть въ цѣнѣ. Фермеръ не можетъ заставить покупщиковъ земли платить за нее болѣе, чѣмъ они желаютъ, потому что цѣна ея опредѣляется соперничествомъ покупщиковъ и продавцовъ земли, а не фермерами. По этому постоянная, общая причина, опредѣляющая процентъ съ земли, не зависитъ отъ власти съемщиковъ надъ землевладѣльцами. Дальнѣйшее развитіе ученія Маклеода о рентѣ также весьма неудовлетворительно. Мы не понимаемъ, почему изъ прочности положенія съемщика слѣдуетъ, что цѣна на хлѣбъ опредѣляетъ размѣръ ренты. Нѣтъ никакой причины ставить въ зависимость цѣну на хлѣбъ и размѣръ ренты отъ прочности положенія фермера. Но особенно нераціонально разсматриваетъ Маклеодъ отношеніе фермера къ сельско-хозяйственной производительности. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ сужденіи объ этомъ предметѣ, крайне неудовлетворительны.

Очевидно, нельзя было правильно судить объ издержкахъ въ сельскомъ хозяйствѣ, не зная современныхъ результатовъ

земледѣльческой промышленности. Маклеодъ же разсматриваетъ вопросъ объ этихъ издержкахъ съ точки зрѣнія торговца, совершенно незнакомаго съ современнымъ состояніемъ науки сельскаго хозяйства. Маклеоду нужно только, чтобы цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ была въ настоящей моментъ какъ можно ниже. Онъ не беретъ въ разсчетъ, что удешевленіе сырыхъ продуктовъ можетъ вести къ расхищенію плодородія полей. Земля составляетъ капиталъ sui generis; о доходности ея нельзя судить только по той суммѣ, которую она приноситъ въ данный моментъ. Фермеръ можетъ платить значительную арендную плату и нѣсколько лѣтъ продавать дешево сырые продукты, но все же результатомъ такого хозяйства можетъ быть полное истощеніе полей. Должно даже сказать, что чрезвычайная дешевизна сырыхъ произведеній обусловливаетъ истощеніе полей. Кэри указалъ на множество примѣровъ такого разграбленія почвы. А для того, чтобы поля сохраняли свое плодородіе, необходимо возвращать снятыя съ нихъ минеральныя части почвы, что сопряжено съ увеличеніемъ издержекъ производства. И такъ законъ цѣнъ, основанный на предложеніи и спросѣ, не говоря уже о его неудовлетворительности въ нравственномъ отношеніи, не можетъ вообще служить къ надлежащему объясненію важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ.

Для раціональнаго объясненія этихъ вопросовъ необходимо глубокое знаніе законовъ производства и распредѣленія богатствъ.

Маклеодъ исключаетъ изъ политической экономіи законы производства. Но экономистъ долженъ дѣлать свои заключенія на основаніи выводовъ этихъ законовъ. Иначе онъ будетъ проповѣдывать рутину, а не современныя начала политической экономіи.

Теперь обратимся къ взгляду Маклеода на коренныя начала распредѣленія. Мы уже сказали, что абсолютное значеніе, придаваемое Маклеодомъ закону цѣнъ, лишаетъ его возможности основательно излагать основные вопросы распредѣленія. Онъ вѣритъ, или, покрайней мѣрѣ, говоритъ, что вѣритъ

*

въ неизмѣнность основныхъ, господствующихъ условій своекорыстнаго обмѣна. Онъ считаетъ отношенія, основанныя на личномъ интересѣ и соперничествѣ, вполнѣ раціональными. Построенный имъ законъ цѣнъ составляетъ общую формулу этихъ отношеній. По нашему же мнѣнію, современная наука не только не можетъ признать абсолютнаго значенія этого закона, но она должна прямо стремиться къ уничтоженію условій, его порождающихъ. Въ настоящее время важнѣйшіе теоретики и государственные люди западной Европы ясно видятъ невозможность удовлетворительнаго разрѣшенія рабочаго вопроса на основаніи закона своекорыстнаго предложенія и спроса.

Мы видимъ нераціональность ограниченія области политической экономіи одною теоріею современнаго обмѣна. По этому Милль правъ, возставая противъ такого ограниченія.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ законовъ статики Милля, а именно: закона возрастанія труда, закона возрастанія продукта отъ земли, основныхъ законовъ кредита и ренты. Начнемъ съ изслѣдованія перваго закона.

Законъ возрастанія труда образуетъ существенную часть теоріи народонаселенія. Эта теорія, со времени Мальтуса, составляетъ предметъ самыхъ горячихъ споровъ въ литературѣ общественныхъ наукъ. Въ настоящее время теорія Мальтуса подвергается сильнымъ нападеніямъ Кэри и его послѣдователей. Милль держится теоріи Мальтуса. Приступая къ ея разсмотрѣнію, мы сначала изложимъ ее въ томъ видѣ, какъ она принимается Миллемъ. «Врожденная сила размноженія, по мнѣнію Милля, можетъ считаться безпредѣльною въ каждомъ родѣ органическихъ существъ. Способность размноженія всегда дѣйствуетъ въ геометрической прогрессіи, измѣняется только знаменатель этой прогрессіи. Сила размноженія въ человѣческомъ родѣ по этому также безпредѣльна, хотя она никогда не могла дѣйствовать вполнѣ, но, при благопріятныхъ условіяхъ, населеніе продолжало удвоиваться въ періодъ не много болѣе 20-ти лѣтъ. Самая же способность размножаться въ че-

ловѣческомъ родѣ превышаетъ и эту величину. При низшей оцѣнкѣ способности размноженія, должно принять, что въ хорошемъ гигіеническомъ положеніи народа каждое поколѣніе можетъ быть вдвое многочисленнѣе предшествовавшаго. Все сказанное о народонаселеніи Милль считаетъ аксіомами. Истинному пониманію теоріи народонаселенія препятствуетъ, по его мнѣнію, сбивчивое понятіе о причинахъ, почти всегда и вездѣ удерживающихъ дѣйствительное размноженіе людей столь далеко отъ прогрессіи, въ какой они способны размножаться. Граница размноженія животныхъ организмовъ заключается во множествѣ враговъ и недостаткѣ продовольствія. Если-бы люди, подобно животнымъ, руководствовались однимъ инстинктомъ, то народонаселеніе сдерживалось-бы въ границахъ одною смертью. Люди не плодятся, какъ свиньи, потому что они способны больше или меньше благоразумно воздерживаться въ размноженіи своего рода. При не развитомъ же состояніи обществъ, какъ напр. въ Европѣ въ средніе вѣка, и теперь во многихъ частяхъ Азіи, размноженіе удерживается смертью (*).»

Размноженіе въ развитомъ обществѣ сдерживается ограниченіемъ числа рождающихся. Это ограниченіе производится посредствомъ сознательнаго самовоздержанія.

Норвегія и нѣкоторыя части Швейцаріи представляютъ, напримѣръ, страны, въ которыхъ населеніе возрастаетъ очень медленно, и его размноженіе задерживается не многочисленностію умирающихъ, а малочисленностію рождающихся. Средняя продолжительность жизни здѣсь самая высокая въ Европѣ; пропорція дѣтей къ числу населенія меньше, пропорція людей въ цвѣтѣ силъ больше, чѣмъ въ какой-бы то ни было другой странѣ. Вездѣ съ возрастаніемъ благосостоянія народа возрастаетъ и его предусмотрительность въ размноженіи. Такъ напр. продовольствіе и занятіе для труда никогда не возрастали въ Англіи быстрѣе, чѣмъ въ послѣдніи тридцать лѣтъ. Но съ 1821 года, каждый новый цензъ показываетъ меньшее

(*) Основанія политич. экономіи т. I, ст. 203.

возрастаніе населенія, чѣмъ въ предъидущій періодъ; масса продуктовъ земледѣлія и промышленности въ Англіи возрастаетъ въ прогрессивной пропорціи, а пропорція рождающихся къ существующему населенію съ каждымъ пяти-лѣтіемъ становится меньше прежняго (*).» Вотъ въ существенныхъ чертахъ теорія народонаселенія Милля. Кэри и его послѣдователи опровергаютъ эту теорію. Кэри представляетъ противъ Мальтуса двоякаго рода возраженія. Первое заключается въ томъ, что, по мнѣнію Кэри, теорія Мальтуса противорѣчитъ божественному промыслу. Творецъ, говоритъ Кэри, не могъ бы устроить міръ такъ, чтобы средства существованія увеличивались медленнѣе, чѣмъ населеніе. Мы не думаемъ однако, чтобы этимъ возраженіемъ, Кэри могъ сколько нибудь поколебать теорію Мальтуса въ глазахъ даже самыхъ ревностныхъ христіанъ; Мальтусъ не утверждаетъ, что средства существованія должны увеличиваться медленнѣе населенія. Онъ говоритъ только, что населеніе можетъ увеличиваться быстрѣе, чѣмъ производство пищи, если люди не будутъ предусмотрительны въ размноженіи. Что же касается до мнѣнія Мальтуса о чрезмѣрной смертности въ тѣхъ странахъ, гдѣ люди не воздержны, то это мнѣніе Кэри нисколько не опровергнулъ. Кэри старается только доказать, что средства существованія во всѣхъ образованныхъ странахъ возрастаютъ быстрѣе населенія. Но противъ этого ни одинъ изъ современныхъ приверженцевъ теоріи Мальтуса нисколько не споритъ. Милль, какъ мы видѣли, прямо говоритъ, что населеніе, въ настоящее время, увеличивается гораздо медленнѣе чѣмъ производство средствъ существованія. Кэри дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя начала теоріи народонаселенія, которыя были упущены Миллемъ. Но эти начала не имѣютъ очень большаго практическаго значенія. Они заключаются въ слѣдующемъ: Кэри говоритъ, что въ человѣческомъ организмѣ, при усиленномъ упражненіи извѣстныхъ органовъ, функціи другихъ органовъ, находящихся съ ними въ особенной связи,

(*) Основанія политической экономіи, стр. 205.

уменьшаются. Особенно же связь существуетъ между дѣятельностію мозга и половыхъ органовъ; усиленіе развитія первыхъ органовъ влечетъ за собою уменьшеніе вторыхъ. Кэри принимаетъ, что развитіе первной системы въ животномъ царствѣ обратно пропорціонально развитію воспроизводительной способности животныхъ. Прогрессъ, по мнѣнію Кэри, поднимая умственный и нравственный уровень массъ, содѣйствуетъ уменьшенію способности къ дѣторожденію въ человѣческомъ родѣ, по этому Кэри полагаетъ, что при сужденіи о народонаселеніи должно брать въ расчетъ и уменьшеніе способности человѣка къ дѣторожденію.

Мы думаемъ, что Милль дѣйствительно ошибается, принимая силу размноженія за нѣчто постоянное, неизмѣнное. Способность къ дѣторожденію вовсе не имѣетъ того постоянства, которое приписываетъ Милль. По этому изъ того, что напр. въ настоящемъ столѣтіи, народонаселеніе удвоивается въ 60 лѣтъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы при той же степени воздержанія оно удвоивалось въ 60 лѣтъ и въ слѣдующемъ столѣтіи. Однако уменьшеніе способности дѣторожденія совершается весьма медленно, такъ что въ настоящее время, уменьшеніе дѣторожденія у образованныхъ народовъ, главнымъ образомъ зависитъ отъ нравственнаго воздержанія. Возьмемъ напр. таблицу указывающую на отношеніе средней жизни къ числу дѣторожденія въ разныхъ департаментахъ Франціи. Изъ нея ясно видно, въ какой тѣсной зависимости находится средняя жизнь, это важнѣйшее мѣрило благосостоянія, къ числу рожденій.

Представляемъ читателямъ самую таблицу.

Департаменты, расположенные въ порядкѣ возрастающей плодовитости.	Число жителей на одно рожденіе.	Средняя жизнь или средній возрастъ умершихъ.	Число дѣтей на одинъ бракъ.	Число незаконнорожденныхъ дѣтей на 10.000 человѣкъ.
Ло и Гароны. . .	55, 47	48, 64	2, 21	5, 64
Орны.	53, 66	46, 99	2, 23	7, 32
Жера	52, 96	46, 92	2, 15	8, 36
Эры	51, 67	44, 85	2, 15	18, 30
Кольвадосъ . . .	48, 68	47, 13	2, 25	21, 40
Индры и Луары.	47, 47	45, 28	2, 11	12, 73
Тарны и Гароны.	47, 23	40, 74	2, 24	6, 48
Сарты	47, 7	43, 34	2, 25	14, 50
Верхн. Гароны. .	46, 19	41, 74	2, 60	15, 90
Маншъ. . . . , .	45, 96	43, 87	2, 69	14, 48
Мены и Луары .	45, 76	41, 70	2, 57	10, 96
Обѣихъ Северъ .	44, 83	36, 39	2, 65	14, 70
Котъ-Д'оръ . . .	44, 76	42, 02	2, 64	13, 03
Жиронды	44, 65	43, 85	2, 14	23, 00
Шаранты	44, 48	42, 59	2, 37	10, 17
Сред. Департ. . .	37, 18	36, 80	2, 91	20, 72
Корсика	33, 33	31, 37	3, 00	15, 00
Ниж. Сены . . .	33, 04	34, 80	3, 10	37, 00
Ардешскій	33, 00	30, 96	4, 00	8, 00
Лозеры	32, 90	34, 2	4, 00	12, 21
Шеры	32, 83	32, 64	3, 00	20, 20
Па-де-кале. . . .	32, 71	34, 74	3, 45	28, 65
Вос. Пиренеевъ .	31, 99	25, 79	4, 32	13, 50
Гардской	31, 29	28, 67	3, 94	10, 3
Луары	31, 21	29, 47	3, 62	13, 59
Верх. Рейна . . .	30, 58	31, 07	3, 79	31, 84
Усть. Роны . . .	30, 36	28, 95	3, 47	34, 75
Ниж. Рейна . . .	30, 20	33, 57	3, 50	37, 00
Финистере	30, 19	30, 42	3, 33	13, 61
Сены.	29, 89	30, 86	2, 38	88, 15
Сѣверный	27, 65	29, 24	3, 58	35, 56

Изъ этой таблицы мы видимъ, что тамъ, гдѣ на 100 жителей приходится два рожденія, средняя жизнь равняется почти 50-ти годамъ; тамъ же гдѣ приходится 3 и болѣе трехъ рожденій она доходитъ только до 33-хъ и 25-ти лѣтъ (*).

(*) Journal des économistes, T. 47; 1865 стр. 11.

Эта таблица показываетъ также, что преждевременная смерть приводитъ въ соотвѣтствіе неблагоразумно размножающееся народонаселеніе со средствами существованія, а не средства существованія принаравливаются къ населенію, какъ это думаютъ послѣдователи Кэри. Кэри, конечно, правильно говоритъ, что для достиженія удобства ассоціаціи и для возвращенія полямъ снятыхъ съ нихъ частей почвы, нужна нѣкоторая густота народонаселенія. Но онъ не правъ, утверждая, что чѣмъ гуще народонаселеніе, тѣмъ быстрѣе народное движеніе и тѣмъ больше дастъ каждый участокъ земли. Можно сказать, что въ настоящее время, въ образованныхъ странахъ, народонаселеніе въ 4000 человѣкъ на квадратную милю доставляетъ всѣ удобства ассоціаціи. Такая густота также совершенно достаточна для предохраненія полей отъ расхищающаго хозяйства. Такъ что народонаселеніе въ передовыхъ странахъ Европы достигло той густоты, которая необходима для доставленія удобствъ ассоціаціи.

Либихъ полагаетъ, что если на одной квадратной мили живетъ народонаселеніе въ 3—4000, то вывозъ хлѣба невозможенъ, потому что произведеніе почвы достаточно только для пропитанія народонаселенія, и только рѣдко излишекъ можетъ быть проданъ далѣе (*).

Но безусловное положеніе Кэри, что чѣмъ больше народонаселеніе, тѣмъ больше движенія и скрытыхъ силъ человѣка, не выдерживаетъ критики. Слѣдуя этому положенію, нужно принять Китай за самое просвѣщенное государство. Дѣйствительно, по экспериментально-химическому методу, предложенному Кэри, Китай, непремѣнно должно поставить на высшую ступень человѣческаго развитія, ступень, которую Кэри называетъ прямымъ сношеніемъ.

Однако оставимъ Кэри и его послѣдователей, и обратимся теперь къ возраженіямъ, которыя дѣлаютъ Миллю метафизики-прогрессисты. Они полагаютъ, что главная причина чрезвы-

---

(*) Химія въ приложеніи къ земледѣлію. Юстуса Либиха. Переводъ Ильенкова. 1864. Т. I, стр. 215.

чайной смертности заключается въ современной организаціи общества, что съ измѣненіемъ этой организаціи раціональное размноженіе установится само собою. Но въ результатѣ все же скрытно или явно, предусмотрительность является необходимымъ началомъ для регулированія движенія народонаселенія. Теорія Мальтуса нисколько не противорѣчитъ улучшенію промышленной организаціи; напротивъ того, Милль постоянно говоритъ, что быстрое увеличеніе благосостоянія народа служитъ лучшимъ средствомъ для установленія разумнаго размноженія. Милль только утверждаетъ, что безъ предусмотрительности въ размноженіи, народонаселеніе не достигаетъ благосостоянія. Потому мы полагаемъ, что мнѣніе Милля о нравственномъ воздержаніи совершенно справедливо.

Переходимъ теперь къ *закону возрастанія продуктовъ отъ земли.*

Законъ этотъ имѣетъ огромное значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Можно сказать, что ни одинъ вопросъ въ народной промышленности не имѣетъ такой важности, какъ вопросъ объ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ сохраненіе плодородія полей и увеличеніе ихъ производительности. Важнѣйшія начала производства и распредѣленія находятся въ самой тѣсной связи съ закономъ возрастанія продукта отъ земли; поэтому неправильное его пониманіе бросаетъ ложный взглядъ на важнѣйшія экономическія начала.

Изложимъ же вкратцѣ ученіе Милля о земледѣльческой промышленности. Обратимся сначала къ его основному закону земледѣльческой промышленности. «Отъ другихъ элементовъ производства, говоритъ Милль, отъ труда и капитала земля отличается тѣмъ, что не можетъ возрастать безгранично. Ея пространство ограничено, а пространство производительнѣйшихъ сортовъ ея еще больше ограничено. Очевидно также, что ограничено и количество продукта, которое можно получить на данномъ пространствѣ отъ земли. Эта ограниченность количества земли и ограниченность ея производительности составляютъ истинныя границы возрастанію производства.

Конечно, всегда люди ясно понимали, что эти двѣ границы — послѣдній предѣлъ возрастанію производства. Но никогда не бывало ни одного примѣра, чтобы производство достигало этого окончательнаго предѣла: нѣтъ страны, въ которой вся земля, способная производить пищу, была бы воздѣлана въ такомъ совершенствѣ, что нельзя было-бы (даже и безъ новыхъ успѣховъ въ земледѣльческомъ знаніи) получить съ нея больше продукта, чѣмъ теперь; а значительная часть земной поверхности остается еще совершено не воздѣланною,

Лишь только достигаетъ земледѣліе извѣстной, не очень высокой степени развитія, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только являются у нихъ сколько нибудь порядочныя земледѣльческія орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствію закона, что, при *данномъ положеніи земледѣльческаго искусства и знанія, увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ*, удвоеніе труда не удвоиваетъ продукта, или, выражая тоже самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніемъ въ приложеніи труда къ землѣ (*).»

Въ настоящее время Кэри упрекаетъ Рикардо-Мальтовскую школу въ полномъ непониманіи законовъ возрастанія продуктовъ отъ земли. Кэри утверждаетъ, что доходы съ земли увеличиваются въ большей пропорціи, чѣмъ увеличивается трудъ, употребляемый на ея обработку. Дѣйствительно, если принять безусловно такое ученіе Кэри, то основной законъ Милля не правиленъ. Рѣшенія вопроса возрастанія сельскохозяйственнаго продукта очевидно должно искать въ современной наукѣ земледѣлія. Поэтому мы и обратимся къ ея великому представителю Юстусу Либиху.

У него мы находимъ прямое подтвержденіе этого закона. Мнѣніе Либиха въ вопросахъ, касающихся сельскаго хозяйства, такъ важно, что мы считаемъ нужнымъ выписать под-

---

(*) Осн. Пол. Эк. Т. I, стр. 221.

лишныя его слова, относящіяся къ нашему предмету. Объясняя значеніе труда въ земледѣльческой обработкѣ, онъ говоритъ, что при усиленіи механической обработки, доходъ съ поля увеличивается въ меньшей пропорціи, нежели трудъ употребляемый на усиленіе этой обработки: «этотъ законъ, замѣчаетъ Либихъ, впервые былъ высказанъ Миллемъ въ Principles of political economy, въ слѣдующихъ словахъ: That the produce of land increases, coeteris paribus, in a diminishing ratio to the increase in the labours imployod is the universal law of agricultural industry; странно только, что Миллю не было извѣстно основаніе этого закона (*).»

Мы также удивляемся, что Миллю не были извѣстны научныя основанія этого закона земледѣлія. Зная ихъ, Милль сдѣлалъ бы нѣкоторыя поправки въ своемъ законѣ возрастанія продукта отъ земли. Потому что увеличеніе труда, употребляемаго на обработку богатой минеральными частями почвы даетъ, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, пропорціональное или даже болѣе, чѣмъ пропорціональное увеличеніе продукта. Милль очень хорошо понимаетъ важность сохраненія плодородія полей. Онъ вездѣ ратуетъ за то, чтобы земля была въ производительныхъ рукахъ, и предлагаетъ законодательныя мѣры, клонящіяся къ раціональному устройству полезной собственности. Но, не зная теоріи Либиха, онъ не могъ обратить надлежащаго вниманія на всѣ условія, отъ выполненія которыхъ зависитъ сохраненіе производительности земли. Особенно важно то, что Милль упустилъ изъ виду необходимость полнаго возврата минеральныхъ частей.

Изучивъ теорію Либиха, Милль съумѣлъ бы сдѣлать важныя примѣненія ея выводовъ къ началамъ политической экономіи. Онъ не поступилъ бы съ этою теоріею такъ, какъ съ нею поступили нѣкоторые нѣмецкіе экономисты. Такъ напр. г-нъ Ляспейересъ сильно вознегодовалъ на Либиха за его введеніе въ земледѣльческую химію. Онъ удивился, что Либихъ, не имѣя степени доктора политической экономіи Іенскаго уни-

(*) Einleitung in die Naturgesetze des Feldbaues, 1862. ст. 143.

верситета, осмѣлился обратиться съ поученіями къ экономистамъ. Впрочемъ, это бы еще ничего, Ляспейересъ можетъ быть простилъ бы Либиху такую нескромность, но онъ не могъ простить ему за то, что знаменитый творецъ современной сельскохозяйственной науки, при сужденіи о земледѣльческихъ законахъ, ссылается только на Адама Смита и Милля. Эту дерзость не могъ снести Ляспейресъ. Онъ объявилъ, что Либихъ не долженъ судить о политической экономіи, не прочитавъ Рошера и другихъ нѣмецкихъ экономистовъ (*). Теорія же минеральныхъ удобреній, по мнѣнію Ляспейереса, можетъ быть и невѣрна, а если и вѣрна, то все же она не имѣетъ важнаго значенія для политической экономіи.

Рошеръ въ 5-мъ изданіи (1864 г.) своего трактата политической экономіи заявилъ, что изслѣдованія Либиха имѣютъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, а не въ политической экономіи. Въ этомъ же изданіи Рошеръ также объявляетъ, что, прочитавъ Шефли, онъ рѣшился измѣнить исходную точку экономической науки. Слѣдовательно, по мнѣнію Рошера, Шефли производитъ переворотъ въ наукѣ, а изслѣдованія Либиха не производятъ никакихъ измѣненій въ ея основныхъ началахъ (**).

Перехожу опять къ Миллю. «Когда для увеличенія продукта, говоритъ онъ, человѣкъ обращается къ худшей землѣ, то очевидно, что продуктъ не увеличивается въ одной пропорціи съ трудомъ. Самое выраженіе «худшая земля» показываетъ, что эта земля, которая при равномъ трудѣ даетъ мень-

(*) Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Von Bruno Hildebrand; Bd. 1, 1864. ст. 123.

(**) Впрочемъ, перемѣна исходной точки произвела у Рошера скорѣе передвиженіе въ первыхъ строкахъ его курса, чѣмъ переворотъ въ наукѣ. Такъ прежде политическая экономія Рошера начиналась словами: «Добромъ называемъ мы все то, что признано годнымъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей», теперь же она начинается словами: «человѣкъ имѣетъ потребности», а потомъ уже слѣдуетъ, — «Добромъ называемъ мы все то.... и т. д.» Прибавляя ничего незначущую строку, онъ думаетъ этимъ перемѣнить исходную точку науки!

шее количество продукта. Земля можетъ быть хуже другой земли или по плодородію, или по положенію. Одна требуетъ большей пропорціи труда на произращеніе продукта, другая перевозъ его къ рынку» (*).

Кэри опровергаетъ это положеніе Милля. Кэри принимаетъ, что съ увеличеніемъ народонаселенія совершается переходъ отъ обработки худшихъ земель къ обработкѣ лучшихъ. Онъ говоритъ, что съ увеличеніемъ народонаселенія и капитала, общество получаетъ возможность обработывать тяжелыя почвы, нуждающіяся въ осушеніи, которыя требуютъ для своего воздѣлыванія большаго капитала, но зато даютъ пропорціонально большій доходъ, чѣмъ легкія почвы. Кэри подтверждаетъ это положеніе исторіею колонизаціи въ разныхъ странахъ. По нашему мнѣнію, такое положеніе Кэри можетъ быть принято только для вновь заселяющихся странъ. Но Милль дѣйствительно не обратилъ вниманія на исторію заселенія разныхъ земель. Изслѣдованіе по этому вопросу составляетъ большую заслугу Кэри. Этотъ вопросъ заслуживаетъ тщательнаго разсмотрѣнія. Теорія Кэри неопровергаетъ основанія ученія Милля о законѣ возрастанія продукта отъ земли. Кэри напрасно старается опровергнуть Рикардо-Мальтусовскую школу, показывая, что въ настоящее время, получается съ земель больше дохода, чѣмъ получалось прежде; Милль не утверждаетъ противнаго; очень можетъ быть, говоритъ онъ, что это правда, и если не вполнѣ, то въ значительной степени. Но этимъ вовсе не доказывается, чтобы не существовалъ законъ, о которомъ мы говорили, а доказывается только то, что существуетъ какая нибудь сила, противоположная ему и могущая на время превозмогать его. Эту силу Милль называетъ прогрессомъ цивилизаціи. Подъ этимъ выраженіемъ онъ подразумѣваетъ: прогрессъ земледѣльческаго знанія, искусства, земледѣльческихъ изобрѣтеній, улучшенія путей сообщенія и множество другихъ усовершенствованій, имѣющихъ вліяніе на развитіе земледѣльческой промышленности. Улучшенія

(*) Основанія политической экономіи, т. I, стр. 222.

земледѣльческихъ процессовъ бываетъ двухъ родовъ: одни даютъ землѣ способность производить абсолютно большее количество продукта безъ соразмѣрнаго увеличенія труда. Другіе не увеличиваютъ продуктъ, но зато уменьшаютъ количество издержекъ, которыми онъ пріобрѣтается. Къ первымъ принадлежатъ: введеніе плодоперемѣнной системы и различныхъ новыхъ растеній; и т. д. Ко вторымъ—улучшеніе въ устройствѣ орудій, введеніе новыхъ орудій, сокращающихъ ручную работу и т. д.

Перечисливъ различнаго рода усовершенствованія, Милль дѣлаетъ слѣдующій общій выводъ законовъ земледѣльческой промышленности.

«Всѣ предметы и силы природы, говоритъ онъ, находящіеся въ ограниченномъ количествѣ, ограничены относительно крайняго предѣла своей производительной силы, и задолго до достиженія этого крайняго предѣла начинаютъ удовлетворять увеличенію запроса съ прогрессивнымъ обремененіемъ условій своей производительности. Но этотъ законъ можетъ ослабляться или временно отстраняться увеличеніемъ общей власти человѣка надъ природой, въ чемъ бы не состояло это увеличеніе; а въ особенности онъ ослабляется всякимъ расширеніемъ человѣческаго знанія относительно силъ природы и свойствъ ея тѣлъ, потому что этимъ расширеніемъ знанія расширяется власть человѣка надъ ними» (*).

Всеобщій законъ земледѣльческой промышленности подтверждается, какъ мы видѣли, Либихомъ. По этому мы не считаемъ нужнымъ опровергать экономистовъ, нападающихъ въ настоящее время съ такою яростію на ученіе Рикардо-Мальтусской школы о земледѣльческой промышленности. Милля должно только, какъ мы сказали, упрекнуть въ незнаніи научныхъ основаній, служащихъ объясненіемъ вышесказаннаго закона. Не познакомившись съ теоріею Либиха, Милль также не обратилъ вниманіе на законъ полнаго возврата. Это самый существенный недостатокъ, который обнаруживается во всемъ

(*) Ibidem, стр. 232.

трактатѣ политической экономіи Милля. Послѣдній законъ имѣетъ гораздо больше значенія нежели первый. Дѣло въ томъ, что законъ, защищаемый Миллемъ, не можетъ быть нарушенъ, тогда какъ нарушеніе закона полнаго возврата можетъ совершаться даже посредствомъ временнаго увеличенія народнаго богатства.

Возвращая полямъ снятыя съ нихъ минеральныя части, образованные народы могутъ быть вполнѣ увѣрены, что средства къ существованію будутъ возростать гораздо быстрѣе народонаселенія; въ этомъ насъ убѣждаютъ законы человѣческаго развитія. Статистика также подтверждаетъ эти выводы. Возмемъ напр. статистику Франціи и посмотримъ, въ какомъ отношеніи къ населенію въ послѣдніе 40 лѣтъ возрастало производство хлѣба:

Отношеніе количества произведеннаго хлѣба къ населенію:

ГОДЫ.	Количество всего населенія.	Приращеніе между двумя послѣдующими переписями.	Процентное приращеніе между этими двумя переписями.	Годичное процентное приращеніе.	Среднее количество произведеннаго хлѣба, въ пятилѣтіе предшествующей переписи.	Среднее количество продукта на жителя въ этотъ періодъ.
1821	30,461,875		. . .	. . .	49,637,507	1,62
1826	31,851,937	1,390,062	4,60	0,92	58,115,397	1,82
1831	32,569,223	717,286	2,25	0,45	58,459,780	1,79
1836	33,540,910	971,687	2,98	0,60	67,254,112	2,01
1841	34,340,178	799,268	2,38	0,40	68,840,554	2,0
1846	35,400,486	1,060,308	3,09	0,62	74,169,307	2,09
1851	35,783,059	382,573	1,08	0,22	85,016,208	2,36
1856	36,039,364	256,305	0,72	0,14	81,178,450	2,25
1861	36,755,971	716,507	1,99	0,40	98,931,428	2,69

Изъ этой таблицы мы видимъ, что населеніе Франціи съ 1821 по 1861 годъ, увеличилось на 6.293,996 чел. т. е. почти на 20%. Тогда какъ количество произведеннаго хлѣба увеличилось на 50.000,000 гектолитровъ, почти на 100% (*).

По этому мы не можемъ согласиться съ Либихомъ въ томъ, что будто бы количество сельско-хозяйственныхъ произведеній увеличивается медленнѣе, чѣмъ населеніе во всѣхъ континентальныхъ странахъ Европы.

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ Либиха, что уже въ настоящее время обнаруживается постоянное возвышеніе цѣнъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній во всѣхъ континентальныхъ государствахъ (**).

Во Франціи напр. мы не замѣчаемъ такого явленія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ цѣнамъ на пшеницу, составляющую главную пищу населенія, а именно:

							= фр.	сант.
Съ 1800	по 1840 г.	гектол.	пшениц.	въ 5 л.	слож.		22	— 22
— 1805	» 1809	»	»	»	»		17	— 78
— 1810	» 1814	»	»	»	»		24	— 10
— 1815	» 1819	»	»	»	»		24	— 61
— 1820	» 1824	»	»	»	»		16	— 68
— 1825	» 1829	»	»	»	»		17	— 76
— 1830	» 1834	»	»	»	»		19	— 28
— 1835	» 1839	»	»	»	»		18	— 36
— 1840	» 1844	»	»	»	»		20	— 03
— 1845	» 1849	»	»	»	»		20	— 96
— 1850	» 1854	»	»	»	»		19	— 93
— 1855	» 1859	»	»	»	»		23	— 59
— 1860	» 1864	»	»	»	»		21	— 08

Съ 1790 по 1793 г. средняя цѣна гектолитра хлѣба была 22 франка 22 сант. а съ 1797 по 1799,—17 фр. 61 сант. (***).

(*) Journal des économistes, т. 48; 1865 г., стр. 49.

(**) Einleitung in die Naturgesetze des Feldbaues. Justus von Liebig.; 1862, стр. 153.

(***) Journal des économistes, т. 48, стр. 44.

Статистика, какъ мы видимъ, показываетъ сильное возрастаніе количества производимаго хлѣба въ послѣднія 40 лѣтъ; но невольно рождается вопросъ: совершилось ли это увеличеніе посредствомъ раціональнаго хозяйства, или посредствомъ увеличенія расхищенія богатства почвы? На это мы не можемъ дать положительнаго отвѣта. Французскіе статистики и экономисты утверждаютъ, что увеличеніе сельско-хозяйственной производительности совершилось посредствомъ введенія раціональныхъ системъ земледѣлія; но эти ученые не доставляютъ намъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время производительная сила полей Франціи. Введеніе же плодоперемѣнной системы, глубокаго паханія и другихъ механическихъ усовершенствованій не могутъ еще свидѣтельствовать о раціональномъ развитіи сельскаго хозяйства. Если эти усовершенствованія совершаются безъ соблюденія закона полнаго возврата, то они могутъ привести къ самымъ плачевнымъ результатамъ.

Плодосмѣнная система, въ которой не возвращаются полямъ всѣ взятыя съ нихъ минеральныя части, должна, по мнѣнію Либиха, быть названа-хищническою системою. По этому очень важно знать: возвращаются ли полямъ во Франціи всѣ эти части или нѣтъ.

Мы полагаемъ, что хотя во Франціи можетъ быть возвращается полямъ болѣе, нежели въ нѣкоторыхъ другихъ континентальныхъ странахъ Европы, но что и въ ней далеко не осуществляется законъ полнаго возврата. Поэтому, въ настоящее время, вопросъ объ устройствѣ клоковъ и принятіе другихъ мѣръ служащихъ для сохраненія экскрементовъ людей и животныхъ и доставленія удобреній полямъ, составляетъ дѣйствительно жизненный вопросъ народнаго хозяйства. Требуя соблюденіе закона полнаго возврата, Либихъ приводитъ поразительные примѣры истощенія полей отъ нарушенія этого закона; такъ урожай пшеницы уменьшился съ 1840 по 1850 года противъ прежняго на половину въ Конектикутѣ, Массечусетѣ, Родъ-Эйландѣ, Ньюгампшрѣ, Менѣ, Вермонтѣ, Георгіи, Кентуккіи, Нью-Іоркѣ и Алабамѣ. На вновь обра-

ботываемыхъ мѣстностяхъ Техаса и Арканзаса получается съ акра отъ 700 до 750 ф. хлопчатой бумаги, а на старыхъ поляхъ Южной Каролины добывается только половина этого количества (*).

Кэри представилъ намъ также множество примѣровъ бѣдственныхъ слѣдствій хищническаго хозяйства. По этому народы должны тщательно заботиться о соблюденіи закона полнаго возврата. Нужно помнить, что малѣйшая дороговизна въ хлѣбѣ, происходящая вслѣдствіе неурожая, имѣетъ даже въ самыхъ образованныхъ странахъ пагубное послѣдствіе для народнаго благосостоянія.

Такъ напр. во Франціи, въ 1861 году, цѣна гектолитра хлѣба была . . . . 24 фр. 25 с.
а въ 1860 году . . . . 20 » 41 »

Такое вздорожаніе произвело огромное вліяніе на смертность, а именно:

въ 1860 г. умерло . . . 782,467 чел.
» 1861 » . . 866,597 » (**)

т. е. почти на 10% больше противъ предшествующаго года.

Теорія ренты находится въ самой тѣсной связи съ закономъ возрастанія продукта отъ земли.

Въ настоящее время теорія ренты-Рикардо, которой держится Милль, подверглась сильнымъ нападеніямъ со стороны Кэри и его послѣдователей; особенно со времени появленія соціальной науки, изданной Кэри въ 1860 году, число противниковъ Рикардовской теоріи возрастаетъ чрезвычайно быстро. Экономическая литература наполняется сочиненіями, въ которыхъ доказывается, что послѣдователи Рикардо-Мальтусовской школы совсѣмъ не понимаютъ теоріи ренты. Рикардовская теорія ренты, говоритъ Максъ-Виртъ, окончательно опровергнута. Онъ нѣсколько разъ повторяетъ, что рента есть плата за трудъ, употребляемый на обработку

(*) Einleitung in die Naturgesetze des Feldbaues, 1862, p. 108.
(**) La France et l'étranger, par M. A. Legoyt. Paris 1865, p. 26.

земли. Всякая другая теорія ренты, по мнѣнію Вирта, есть несообразность, дающая пищу только лжеученіямъ.

Подкрѣпляя себя Гофманомъ и Бастіемъ, онъ утверждаетъ, что природа даетъ даромъ полезности, а только трудъ производитъ цѣнности. Однимъ словомъ, нѣтъ поземельной ренты, есть только рента съ капитала и труда, вложенныхъ въ землю. Прочитавъ Вирта, не посвященному въ науку дѣйствительно покажется страннымъ, что Милль держится теоріи Рикардо; но познакомившись съ ученіемъ о рентѣ Милля, мы увидимъ, что онъ разсуждаетъ о ней гораздо правильнѣе нежели Бастіа, Виртъ и др. послѣдователи Кэри. Сначала посмотримъ, въ чемъ заключается, по мнѣнію Милля, рента. Рента съ какой нибудь земли есть тотъ излишекъ, которымъ доходъ съ нея привышаетъ доходъ съ самой худшей обработываемой земли. Земля, какъ мы видѣли, можетъ быть худшею, или по плодородію, или по положенію. Противъ этого основнаго положенія о рентѣ Кэри приводитъ множество самыхъ разнообразныхъ возраженій. Мы разсмотримъ только важнѣйшія изъ нихъ. Кэри доказываетъ, что рента не имѣетъ специфическаго значенія и составляетъ плату за трудъ и капиталъ, вложенные въ землю. Пожалуй, говоритъ онъ, намъ могутъ возразить слѣдующее: «вотъ два поля, на которыя затрачено тоже самое количество труда; но одно изъ нихъ даетъ вдвое большую ренту и продается вдвое дороже.» Если цѣнность естъ исключительный результатъ работы, то отчего владѣлецъ одного поля вдвое богаче другаго? Въ отвѣтъ на это Кэри говоритъ, что тоже самое случается съ такими предметами, цѣнность которыхъ, будто по общему мнѣнію, есть исключительный результатъ труда. «Напр. Дженни Линдъ могла заработать въ одинъ вечеръ тысячу доларовъ, тогда какъ молоденькія хористки получаютъ менѣе долара. Предположимъ, что какой нибудь предпріимчивый барнумъ рѣшился образовать новую Дженни Линдъ; ему, очевидно, прійдется начинать свои опыты надъ сотнею или тысячью лицъ. Если онъ, послѣ своихъ громадныхъ расходовъ, создастъ, наконецъ, соловья, который въ состояніи будетъ заработывать столько же, какъ

и Джени Линдъ, то у него всегда въ остаткѣ будетъ запасъ низшаго сорта пѣвицъ и еще большее число простыхъ хористокъ, заработокъ которыхъ не покроетъ издержекъ на содержаніе и воспитаніе ихъ, не считая уже того, что нѣкоторыя изъ нихъ умрутъ, а другія окажутся никуда негодными.

Почему же Джени Линдъ получаетъ такую большую плату? По причинѣ трудностей, которыя приходится преодолѣть прежде, чѣмъ можно образовать такой голосъ. То же самое можно сказать обо всѣхъ другихъ предметахъ. Какъ высока ихъ цѣнность? Она такъ высока, какъ высоки издержки на воспроизведеніе, но не выше. То же самое можно сказать и о почвѣ: настоящая цѣна ея представляетъ собою только весьма незначительную часть того, что на нее затрачено (*).»

Примѣръ Джени Линдъ, по нашему мнѣнію, только подтверждаетъ теорію ренты Рикардо. Почему Джени Линдъ получаетъ большую плату? Очевидно потому, что она имѣетъ лучше другихъ голосъ. Она пользуется, другими словами, естественною монополіею, по этому и можетъ получать большое вознагражденіе. Если бы у всѣхъ хористокъ были такіе голоса, какъ у Джени Линдъ, то она не получала бы по тысячу долларовъ въ вечеръ. Также если бы всѣ земли были одинаковаго качества и находились въ одинаковомъ разстояніи отъ рынка, то землевладѣльцы не получали бы ренты. Намъ кажется это совершенно яснымъ. Кэри старается разбить теорію Рикардо, доказывая всеобщность закона ренты. Но въ дѣйствительности, все-таки только тамъ является рента, гдѣ мы встрѣчаемъ монопольную цѣну. Миль нисколько не утверждаетъ, чтобы рента была исключительно свойственна зеледѣльческой промышленности. Онъ говоритъ только, что рента является общимъ закономъ въ земледѣліи, тогда какъ въ другихъ случаяхъ она составляетъ исключеніе. Милль напр. замѣчаетъ, что если бы нѣсколько человѣкъ имѣли паровыя машины, достоинства высшаго, противъ всѣхъ другихъ суще-

(*) Руководство къ соціальной науки. Кэри, пер. Шиховскаго, 1866, стр. 140.

ствующихъ машинъ, но по физическимъ законамъ эти лучшія машины были бы въ количествѣ, неудовлетворяющемъ запросу, то такія машины приносили бы владѣльцамъ ихъ ренту. Милль справедливо утверждаетъ, что такого рода случаи могутъ быть чрезвычайно рѣдки и не составляютъ общаго закона промышленности. Но Кэри старается всѣми силами доказать, что всякая рента есть результатъ затраченнаго капитала. Онъ утверждаетъ, что стоимость земли какого бы то ни было государства далеко меньше той суммы, которую нужно было бы употребить для приведенія ея въ настоящее положеніе изъ состоянія первобытнаго лѣса. На это Милль дѣлаетъ весьма мѣткое возраженіе: «очевиднѣйшій смыслъ теоремы Кэри, говоритъ онъ, равно-значителенъ тому, что если бы вдругъ прибавилось къ землѣ Англіи невоздѣланная территорія, равная этой землѣ по естественному плодородію, то не стоило бы жителямъ Англіи приниматься за ея воздѣлованіе, потому что прибыль отъ этой операціи не равнялась бы обыкновеннымъ процентамъ на израсходованный для того капиталъ. Но факты противорѣчатъ такимъ выводамъ теоріи Кэри, потому что въ Англіи постоянно обращается подъ обработку земля не равнаго, а гораздо низшаго качества, чѣмъ земли уже воздѣланныя и расходы на это вполнѣ выплачиваются рентою съ такой земли въ небольшое число лѣтъ.

Милль также показываетъ, что общее положеніе Кэри о рентѣ, взятое даже со всѣми его поправками, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Такъ Кэри въ свою оцѣнку капитала, положеннаго въ землю, включаетъ всѣ расходы на сооруженіе дорогъ и каналовъ, то есть не на увеличеніе цѣнности земель уже воздѣлываемыхъ, а на открытіе доступа къ другимъ землямъ соперничествующимъ съ прежними; усовершенствованіе путей сообщенія, замѣчаетъ Милль, имѣетъ стремленіе понижать существующія ренты, уменьшая монополію земли сосѣдней съ мѣстами, гдѣ собраны большія массы потребителей. Но если даже, говоритъ Милль, согласиться со всѣми доводами Кэри, то все таки останется справедливымъ, что пока есть земля, не дающая ренты, то земля, дающая рен-

ту, даетъ ее вслѣдствіе какого нибудь преимущества своего, по плодородію или близости къ рынкамъ, надъ землею не дающею ренты; и мѣры этого преимущества служатъ также и мѣрою ренты. А причина, почему земля даетъ ренту — то обстоятельство, что земля обладаетъ естественною монополіею, такъ какъ количество земли, пользующейся равными съ нею выгодами, недостаточно для снабженія рынка.»

Мы видимъ, что ученіе Кэри не опровергаетъ теорію ренты, защищаемую Миллемъ. Что же сказать о нападеніяхъ на Милля послѣдователей Кэри? По нашему мнѣнію, можно только удивляться нераціональности этихъ нападеній. Виртъ и другіе экономисты вмѣсто того, чтобы воспользоваться существенными началами соціальной науки Кэри, употребляютъ всѣ свои усилія для распространенія парадоксовъ американскаго ученаго. Виртъ также принимаетъ, что рента есть плата за трудъ и капиталъ, вложенные въ землю, а не за естественную монополію земли. Виртъ старается объяснить всѣ сельско-хозяйственныя явленія съ этой точки зрѣнія, между тѣмъ какъ Кэри часто представляетъ начала, хотя прямо не относящіяся къ его теоріи ренты, но имѣющія огромное значеніе для народнаго хозяйства. А Виртъ постоянно обращается около того положенія, что природа производитъ только полезности, а не цѣнности. Кэри стремится примѣнить послѣдніе результаты сельско-хозяйственной химіи къ экономическимъ началамъ. Тогда какъ Виртъ и знать не хочетъ этихъ результатовъ. Ему только понравилось общее положеніе Кэри, что рента не происходитъ вслѣдствіе естественной монополіи, а является результатомъ труда и капитала вложеннаго въ землю (*). Гармонія экономическихъ интересовъ, восклицаетъ Виртъ, вполнѣ доказана! Интересы капиталистовъ, землевладѣльцевъ, работниковъ совершенно совпадаютъ. Но оставимъ Вирта торжествовать, а сами обратимся къ его ученію о земледѣльческой промышленности. Это ученіе зиждется,

(*) Die Grundlagen der Socialwissenschaft, von H. Carey; Vorwort von Max Wirth, стр. VII. 1863.

такъ сказать, на томъ предположенін, что трудъ вкладываетъ производительную силу въ землю. Естественное плодородіе полей не имѣетъ никакого вліянія на установленіе ренты. Все, что производитъ земля, есть результатъ труда, вложеннаго въ нее. Но такое воззрѣніе на земледѣльческую промышленность показываетъ полное незнаніе этими экономистами современнаго сельскаго хозяйства. Земледѣльческая химія доказала, что степень плодородія почвы не зависитъ отъ человѣка. Либихъ прямо говоритъ, что желаніе возвысить урожай почвы страны значительно выше ея естественнаго плодородія совершенно не осуществимо. По этому ясно, что почва, которая, ceteris paribus, богаче другой минеральными частями, будетъ платить ренту вслѣдствіе большей своей производительной силы. Трудъ только возвышаетъ урожай, приводя питательныя части почвы въ состояніе физическаго соединенія. Всевозможныя усовершенствованія: паханіе, дренированіе и т. д., ускоряетъ только переходъ питательныхъ веществъ изъ состоянія химическаго соединенія въ состояніе годное для питанія растенія. Поэтому всѣ эти усовершенствованія могутъ возвышать урожай только на столько, на сколько это дозволяетъ естественное плодородіе полей. Поэтому гг. Виртъ, Бастіа и др. приверженцы Кэри жестоко ошибаются въ своемъ ученіи о поземельной рентѣ. Существованіе ея не только не опровергается, но подтверждается современными выводами сельско-хозяйственной науки. Слѣдовательно, Милль правъ, признавая специфическое значеніе ренты.

Переходимъ къ разсмотрѣнію основаній ученія Милля о кредитѣ.

Кредитъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ современной экономической жизни образованныхъ народовъ. Огромное значеніе его для народнаго хозяйства, въ настоящее время, никто не оспариваетъ, напротивъ того, многіе экономисты даже слишкомъ преувеличиваютъ его важность. Такъ напр., Гильдебрандъ старается доказать, что кредитъ составляетъ самое существенное начало современной экономической жизни. Гильдебрандъ принимаетъ три вида хозяйства: нату-

ральное, денежное и кредитное. Экономическая жизнь каждаго народа проходитъ черезъ эти три ступени хозяйственнаго развитія, такъ что средства мѣны характеризуютъ самую ступень всего общественнаго строя народа (*). Древніе народы прошли два первые вида хозяйственнаго развитія и только недавно новые народы, прошедши двѣ первыя ступени, достигли наконецъ высшей, т. е. кредитнаго хозяйства. По Гильдебранду выходитъ, что средневѣковое хозяйство стояло ниже хозяйства древнихъ народовъ въ эпоху денежнаго хозяйства послѣднихъ. Такое обобщеніе развитія человѣчества очевидно неправильно. Гильдебрандъ не обратилъ вниманіе на то, что средніе вѣка составляютъ переходную ступень отъ древнихъ къ новымъ. Поэтому средневѣковое хозяйство выше хозяйства древнихъ народовъ (**). Въ этомъ Гильдебрандъ могъ бы убѣдиться, еслибы онъ обратилъ надлежащее вниманіе на соціально-экономическое устройство среднихъ вѣковъ. Гильдебрандъ, подобно многимъ экономистамъ-историкамъ, не зная законовъ историческаго развитія человѣчества, не достигнулъ правильнаго пониманія законовъ хозяйственнаго развитія народа. Ступени народнаго хозяйства, какъ мы уже выше замѣтили, должно искать въ различныхъ фазисахъ соціально-экономическаго развитія человѣчества, а не въ такихъ внѣшнихъ признакахъ, какъ господство того или другаго средства обмѣна. Но обратимся къ Миллю. «Кредитъ, по мнѣнію Милля, имѣетъ большую, но не волшебную силу, какую повидимому придаютъ ему нѣкоторые. Онъ не можетъ создать нѣчто изъ ничего. Очень часто разсуждаютъ о расширеніи кредита такъ, какъ будто оно равносильно созданію капитала, или какъ будто кредитъ и есть самъ капиталъ. Странна необходимость доказывать, что будучи лишь разрѣшеніемъ одному лицу пользоваться капиталомъ другаго, кредитъ не увеличиваетъ, а лишь переноситъ средства производства. На сколько увели-

(*) Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik, von Bruno Hildebrand, Jena, 1864; Bd. I, стр. 3.

(**) Jahrb. für Nationaloekon. т. I, стр. 14.

чиваются кредитомъ средства къ производству и къ занятію у лица, занявшаго капиталъ, на столько же уменьшаются они у кредитора. Одной суммѣ нельзя быть капиталомъ и для собственника, и для лица, занявшаго ее: она не можетъ за одинъ разъ вдвойнѣ сполна служить рабочею платою, орудіями и матеріалами для двухъ группъ работниковъ. Правда, что капиталъ, занятый А у В и употребляемый въ дѣло А, еще составляетъ въ другихъ отношеніяхъ часть богатства В; В можетъ заключать обязательства, обезпечиваемыя этимъ капиталомъ, и подъ залогъ его можетъ, если понадобиться, занять равнозначительную ему сумму; такимъ образомъ, на поверхностный взглядъ можетъ казаться, что и А и В одновременно пользуются этимъ капиталомъ. Но если хоть немного вникнемъ въ дѣло, мы увидимъ, что когда В отдалъ свой капиталъ А, употребленіе капитала остается уже у одного А, и В не получаетъ отъ этого капитала никакой иной услуги, кромѣ той, что право получить этотъ капиталъ назадъ, служитъ ему для полученія въ пользованіе другаго капитала отъ третьяго лица С. Весь чужой капиталъ, которымъ дѣйствительно пользуется извѣстный человѣкъ, непремѣнно взятъ изъ чьего нибудь капитала.»

Противъ такого ученія о кредитѣ особенно сильно возсталъ въ послѣднее время *Маклеодъ* (*). Онъ, какъ мы видѣли принимаетъ политическую экономію за науку о мѣновыхъ отношеніяхъ количествъ. «Но, говоритъ онъ, если мы включимъ въ политическую экономію всѣ количества, которыя могутъ быть куплены или проданы, то ограниченіе круга науки лишь собственностью, которая существуетъ въ настоящее время, очевидно, будетъ слишкомъ тѣсно. Извѣстно, что во всѣхъ просвѣщенныхъ обществахъ есть собственность громадной стоимости, которая покупается и продается, т. е. составляетъ предметъ мѣны, хотя не существуетъ въ настоящее время и имѣетъ существованіе лишь въ будущемъ. Въ этомъ началѣ заключается настоящая стоимость будущихъ плате-

(*) Основ. полит. экономіи, т. II стр. 31.

жей. Подъ это общее понятіе подходитъ теорія стоимости земли, аннюитетовъ и вся доктрина кредита, составляющая камень преткновенія для экономистовъ.» Признаніе самостоятельной стоимости за денежными обязательствами составляетъ характеристическую черту взгляда Мекледа на законы мѣны. Будущій платежъ, говоритъ Маклеодъ, представляетъ цѣнность въ настоящемъ совершенно отдѣльную отъ тѣхъ денегъ, какія будутъ заплачены впослѣдствіи, — это есть такой же предметъ торговли, какъ и четверть ржи. Еслибы Маклеодъ утверждалъ только, что денежный знакъ, подобно хлѣбу, можно продавать и покупать, то это было бы совершенно вѣрно. Въ этомъ смыслѣ, конечно, каждый денежный знакъ есть стоимость. Но Маклеодъ идетъ дальше. Онъ видитъ въ каждомъ денежномъ знакѣ стоимость въ смыслѣ ресурса и имущества страны. Съ такимъ взглядомъ на денежный знакъ съ нимъ нельзя согласиться. Маклеодъ въ этомъ случаѣ забывъ, кажется, что могутъ существовать тысячи милліоновъ денежныхъ знаковъ, явившіеся отъ непроизводительныхъ займовъ. Неужели же увлеченіе количества этихъ знаковъ все будетъ увеличивать имущество страны. Принимать денежный знакъ за имущество страны потому, что онъ имѣетъ стоимость, значитъ не имѣть яснаго понятія о различіи частнаго хозяйства отъ государственнаго.

Итакъ, мы не можемъ согласиться со взглядомъ Маклеода на денежные знаки. Мы полагаемъ, что неправильность этого взгляда находится въ тѣсной связи съ одностороннимъ ученіемъ Маклеода о предметѣ политической экономіи вообще.

Маклеодъ рѣшительно не соглашается, что производительная сила кредита заключается въ передачѣ капитала изъ однихъ рукъ въ другія (*); онъ утверждаетъ, что Милль въ вышеприведенномъ примѣрѣ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что В, получивъ отъ А долговое обязательство, можетъ промѣнять его на матеріальную цѣнность. Но по на-

(*) A dictionary of political economy, By Henry Dunning Macleod. v. I, London 1863, стр. 612.

шему мнѣнію капиталъ, которымъ будетъ пользоватьсс В, непремѣнно долженъ быть взятъ изъ чьего нибудь капитала. Если A, B, C, D, покупаютъ товары въ кредитъ у E, F, G, H, то очевидно, что въ данный моментъ количество товаровъ не можетъ отъ этого удвоится. Конечно E, F, G, H, могутъ на полученныя имъ векселя купить товары у K, L, M, N, но въ такомъ случаѣ эти послѣдніе остапутся безъ товаровъ. Мы полагаемъ, что существуетъ физическая невозможность, чтобы одна и таже сумма служила вдвойнѣ матеріаломъ и орудіемъ для двухъ группъ работниковъ, поэтому никакъ нельзя признать каждый денежный знакъ за богатство.

Въ дѣйствительности, кредитные знаки могутъ раззорять государства и въ тоже время доставлять выгоду владѣльцамъ ихъ. По этому созданіе мѣновой цѣнности не есть еще увеличеніе народнаго богатства. «Кредитъ, даваемый торговцами, непроизводительнымъ потребителямъ, замѣчаетъ весьма справедливо Милль, никогда не бываетъ прибавленіемъ, и всегда бываетъ убылью для источниковъ общественнаго богатства. Онъ передаетъ во временное пользованіе не капиталъ непроизводительнаго класса производительному, а капиталъ производительнаго класса не производительному. Если A торговецъ снабжаетъ B землевладѣльца или рентнера товарами съ отсрочкою уплаты на пять лѣтъ, то остается на 5 лѣтъ непроизводительною часть капитала A, равная цѣнности этихъ товаровъ. При немедленной уплатѣ сумма эта въ теченіи 5-ти лѣтъ была бы нѣсколько разъ израсходована и выручена, и нѣсколько разъ были-бы произведены, потреблены и воспроизведены товары на эту сумму. Слѣдовательно, если B наконецъ заплатитъ 100 фунтовъ, которые не платилъ 5 лѣтъ, то самая отсрочка платежа равно значительна была въ эти пять лѣтъ для работающихъ сословій общества тому, какъ еслибы они совершенно потеряли эту сумму и не одинъ разъ, а нѣсколько. Самъ A лично вознаграждается тѣмъ, что полагаетъ за свои товары высшую цѣну, которую, по истеченіи срока, уплачиваетъ ему B; но нѣтъ никакого вознагражденія рабочему классу, который больше всѣхъ страдаетъ отъ каж-

даго безвозвратнаго или временнаго отклоненія капитала на непроизводительное употребленіе. Въ эти пять лѣтъ капиталъ страны уменьшился на 100 фунтовъ оттого, что В взялъ эту сумму изъ капитала А и растратилъ ее непроизводительно, проживъ впередъ свои средства, и лишь черезъ пять лѣтъ отложитъ отъ своего дохода сумму на вознагражденіе А и она обратится въ капиталъ (*).»

Поэтому никакъ нельзя согласиться съ Маклеодомъ, что всякій долгъ, имѣющій мѣновую цѣнность составляетъ богатство. Маклеодъ желаетъ вывести, во что-бы то нистало, изъ словъ самаго Милля, тождество богатствъ съ долговыми обязательствами. Такъ напр. Милль, говоритъ онъ, называетъ богатствомъ все то, что имѣетъ покупательную силу, а такъ какъ кредитъ, по словамъ самаго Милля, имѣетъ такую силу, — то слѣдовательно кредитъ составляетъ богатство (**).

Но Милль также говоритъ, что кредитъ есть покупательная сила, а не производительная. Маклеодъ видитъ противорѣчіе въ этихъ взглядахъ Милля на богатство и кредитъ. Мы полагаемъ, что Маклеодъ не совсѣмъ правъ. Общее правило всегда можетъ имѣть исключеніе. Милль дѣйствительно прямо исключаетъ внутренніе долги изъ богатства странъ. Поэтому никакъ нельзя принимать каждый денежный знакъ за богатство. Однако, взглядъ Маклеода на кредитъ имѣетъ также хорошую сторону. Маклеодъ правильно принимаетъ кредитные знаки за своего рода ресурсы страны, когда они являются въ разумномъ сочетаніи съ другими элементами, необходимыми для производства. Въ этомъ отношеніи можно упрекнуть Милля въ недостаточномъ объясненіи производительной силы кредита. Милль принимаетъ, что торговый кредитъ обыкновенно увеличиваетъ сумму производства въ обществѣ, но въ тоже время, Милль какъ-бы отрицаетъ значеніе кредита, какъ средства къ производству. Конечно, кредитные знаки не могутъ немедленно увеличивать матеріальныхъ цѣн-

---

(*) Осн. Пол. Эк. Т. II, стр. 33.

(**) A Dictionary of political economy, T. I, стр. 611.

ностей. Кредитъ только передаетъ капиталъ отъ A къ B; въ данный моментъ, хотя и существуетъ двойное количество мѣновыхъ цѣнностей, но количество матеріальныхъ цѣнностей осталось тоже. Но если B, употребитъ занятый имъ капиталъ производительнѣе A, то очевидно, вексель, служившій необходимымъ средствомъ для увеличенія народнаго богатства, должно назвать ресурсомъ страны. Маклеодъ, лучше Милля, выяснилъ многія стороны кредита. Только господства у Маклеода современнаго закона стоимости препятствуютъ ему вывести болѣе вѣрное опредѣленіе кредита.

Переходимъ къ разсмотрѣнію динамики политической экономіи Милля. Эта часть экономической науки заслуживаетъ особеннаго вниманія; въ ней изслѣдуются элементы новой соціально-экономической жизни образованныхъ народовъ. «Динамика, говоритъ Милль, разсматриваетъ прогрессивное измѣненіе экономическаго положенія человѣчества. Она изслѣдуетъ, въ чемъ состоятъ эти перемѣны, по какимъ законамъ происходятъ, и къ чему ведутъ въ окончательномъ результатѣ; однимъ словомъ, динамика прибавляетъ къ теоріи равновѣсія теорію движенія. Какія же перемѣны совершаются въ экономическомъ положеніи человѣчества? Это изысканіе, по мнѣнію Милля, должно начать обозначеніемъ извѣстныхъ, всѣми признанныхъ силъ. Каковы-бы нибыли другія перемѣны, которымъ должна подвергаться экономія общества, есть одна перемѣна, прогрессивное развитіе которой не можетъ подлежать никакому спору. Въ передовыхъ странахъ земнаго шара, и во всѣхъ другихъ странахъ, на которыхъ распространяется вліяніе этихъ передовыхъ странъ, существуетъ по-крайней мѣрѣ одно, всѣми признанное, прогрессивное движеніе, почти безпрерывно продолжающееся изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, прогрессъ въ богатствѣ, успѣхъ, въ такъ называемомъ, благосостояніи, прогрессъ, который совершается въ естественныхъ наукахъ, технологіи, возрастаніе безопасности имущества и свобода располагать имъ, техническое образованіе народа, накопецъ расширеніе круга дѣйствія акціонернаго принципа и увеличеніе умѣнія примѣ-

нять его къ дѣлу — это очевидные черты цивилизаціи новыхъ націй. Всѣ эти условія даютъ просторъ и возможность къ безграничному возрастанію капитала и къ размноженію населенія, обыкновенно сопровождающему это возрастаніе (*).»

Милль весьма вѣрно обрисовываетъ самыя яркія черты современнаго экономическаго развитія человѣчества. Мы видимъ, что по мнѣнію Милля развитіе богатства, благосостоянія, ассоціаціи, у всѣхъ образованныхъ народовъ не подлежитъ спору. По этому Кэри неправильно укоряетъ Рикардо-Мальтовскую школу за то, что будто бы, по ея ученію, человѣкъ дѣлается постоянно все болѣе и болѣе рабомъ природы. Напротивъ того, Милль, яснѣе Кэри, сознаетъ прогрессивное развитіе современнаго человѣчества и важнѣйшіе элементы, характеризующіе это развитіе. Милль не толкуетъ о гармоніи экономическихъ отношеній, потому что такой гармоніи въ дѣйствительности не существуетъ. Богатство народовъ безспорно возрастаетъ, увеличивается также благосостояніе народныхъ массъ, но общей гармоніи, при господствѣ личнаго соперничества, нѣтъ и быть не можетъ. По этому нужно поставить въ заслугу Миллю, что онъ не находитъ гармонію тамъ, гдѣ она не существуетъ. Такъ называемая экспериментальная политическая экономія, указывая на увеличеніе богатства образованныхъ народовъ, старается представить личное соперничество въ видѣ начала, совершенно согласнаго съ гармоническимъ развитіемъ человѣчества. Но на дѣлѣ она не можетъ показать, какимъ образомъ это начало водворяетъ гармонію; по нашему мнѣнію, личное соперничество никогда не въ состояніи установить прочную гармонію въ экономическихъ отношеніяхъ, потому что оно вполнѣ освѣщаетъ желаніе производителя — продать дороже, потребителя — купить дешевле, капиталиста — дать работнику по меньше, работника — взять съ капиталиста по больше.

Отношенія, основанныя на исключительномъ господствѣ своекорыстныхъ чувствъ, очевидно, не могутъ производить

(*) Основанія Политической Экономіи, Т. II, стр. 221.

гармонію. Въ теоріи немыслимо, чтобы своекорыстіе и соперничество водворяли гармонію; на практикѣ же мы видимъ ясно дисгармонію, которую они производятъ во всѣхъ передовыхъ странахъ западной Европы. Особенно ярко выступаетъ въ настоящее время антогонизмъ капиталистовъ съ работниками. Говорить, что это антогонизмъ только кажущійся, значитъ говорить вещи, противорѣчащія дѣйствительности.

Неотразимые факты прямо свидѣтельствуютъ, что антогонизмъ существуетъ и примиреніе интересовъ капитала и труда возможно только посредствомъ замѣны личнаго соперничества устройствомъ, основаннымъ на высшихъ нравственныхъ началахъ. Конечно, можно передъ этими фактами закрывать глаза, но только въ такомъ случаѣ уже не слѣдуетъ называть себя современнымъ ученымъ, а принимать антогонизмъ за гармонію невозможно.

Милль не говоритъ, подобно Кэри, что его теорія указываетъ на гармонію экономическихъ отношеній, но, въ дѣйствительности, ученіе Милля гораздо больше содѣйствуетъ установленію гармоніи въ народномъ хозяйствѣ, нежели социальная наука Кэри.

Въ своей динамикѣ Милль указываетъ на средства, которыя служатъ примиреніемъ антогонизма труда съ капиталомъ. Средства эти — товарищество капиталистовъ съ рабочими и товарищество одпихъ рабочихъ. Не надо забывать, что Милль явился поборникомъ товариществъ въ то время, когда большинство экономистовъ смотрѣло на нихъ, какъ на утопію. Но и въ настоящее время, ученіе Милля о товариществахъ рабочихъ стоитъ гораздо выше ученій объ этомъ предметѣ другихъ экономистовъ. Милль ясно понимаетъ значеніе этихъ новыхъ экономическихъ формъ для современнаго развитія человѣчества. Онъ не разсматриваетъ ихъ на ряду съ другими примѣненіями акціонернаго принципа. Общественный прогрессъ, по мнѣнію Милля, приведетъ къ тому, что вся промышленность перейдетъ въ руки товариществъ, а капиталисты будутъ получать опредѣленный процентъ. Являясь горячимъ поборникомъ ассоціаціи, Милль, въ тоже время, выражаетъ

желаніе чтобы между товариществами рабочихъ существовало соперничество. «Я полагаю, говоритъ онъ, что даже при нынѣшнемъ состояніи общества, стѣсненіе соперничества вредно, и всякое расширеніе его, хотя бы на время и вредило какому нибудь классу работниковъ, но въ результатѣ непремѣнно принесетъ пользу рабочему классу, потому что соперничество удешевляетъ производство предметовъ, въ потребленіи которыхъ участвуетъ и рабочій классъ.»

Съ соціальной стороны динамика Милля превосходитъ ученія всѣхъ лучшихъ современныхъ экономистовъ объ экономическомъ развитіи общества. Милль очень хорошо понялъ, въ чемъ долженъ заключаться главный предметъ динамики. Милль ясно видитъ, что центръ тяготѣнія современной эпохи заключается въ поднятіи уровня благосостоянія рабочаго класса и въ развитіи сотрудничества. Милль правильно указываетъ, что артель служитъ важнѣйшимъ средствомъ для разрѣшенія рабочаго вопроса. Конечно, его мнѣніе объ артеляхъ можетъ не нравиться не только противникамъ ихъ, но и многимъ изъ ихъ приверженцовъ. Причина тому та, что онъ нельститъ ни рабочимъ, ни капиталистамъ. Понятно, что неразвитымъ капиталистамъ приходится не по душѣ ученіе Милля объ артеляхъ, потому что онѣ уничтожаютъ нынѣ господствующее отношеніе труда къ капиталу; требованіе же Милля постепеннаго введенія товариществъ, успѣхъ которыхъ, онъ, главнымъ образомъ, ставитъ въ зависимость отъ самихъ рабочихъ классовъ, встрѣчаетъ порицателей въ людяхъ, которые вдругъ желаютъ повсюду ввести товарищества, сшитыя по ихъ выкройкѣ.

По нашему мнѣнію Милль правильно смотритъ на главное условіе, необходимое для развитія артели. Онъ только мало обращаетъ вниманія на нравственныя идеи, лежащія въ ихъ основаніяхъ. Для оцѣнки этихъ идей, необходимо обратить вниманіе на связь ихъ съ общимъ развитіемъ человѣчества. Только изучивъ эту связь, мы можемъ вѣрно понять значеніе товариществъ рабочихъ для общественнаго развитія.

Въ настоящее время много различныхъ товариществъ ра-

бочихъ существуютъ въ Европѣ. Нельзя не удивляться ихъ быстрому развитію, если вспомнить только, что почти всѣ онѣ возникли въ послѣдніе 10-ть лѣтъ. Мы не можемъ болѣе сомнѣваться въ возможности дальнѣйшаго ихъ успѣха. Даже первоначальные производительные товарищества рабочихъ, при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, могли вести успѣшно свои дѣла. Мы напр. имѣемъ статистическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ парижскихъ артеляхъ, собранныя г. Beluz'омъ въ 1863 году. Вотъ самая статистическая табличка объ этихъ производительныхъ товариществахъ.

(*) Crédit au travail, Beluze, 1863.

ТОВАРИЩЕСТВА.	Время основанія.	Число товарищей.		Помощниковъ въ н. в.	Общественный вкладъ.		Капиталъ.		Цифра оборота въ н. в. франковъ.
		Въ началѣ.	Въ настоящее время.		Въ началѣ.	Въ настоящее время.	Въ началѣ.	Въ настоящее время.	
Гвоздники.	1849	20	3	8	—	1000	0	16000	25000
Фортепьян. маст. .	1849	16	23	12	1000	10000	250	163000	205000
Жестяники. . . .	1848	70	20		50	2000	0	20000	120000
Формовщики . . .	1848	3	23	6	500	1000	2	35000	80000
Инстр. мастера . .	1848	14	19	29	2000	неогран.	15000	120000	120000
Очечные мастера .	1849	13	25	150	1000	15000	0	120000	420000
Каменьщики . . .	1848	17	81	225	1000	2000	0	250000	1300000
Слесаря	1858	5	5	50	500	1000	орудія	15000	120000
Мебельщики. . . .	1849	20	50	100	100	2000	25000		300000
Каретники.	1850	24	11	35	0	10000	0	64624	120000
Фонарщики	1849	21	12	16	200	4500	0	54000	120000
Маляры	1857	6	12	25	2000	2000	0	24000	100000
Слесаря	1850	7	20	2	600	600	1000	25000	50000
Портные	1848	40	15	4	50	50	1000	7000	40000
Мебельн. мастера .	1848	18	22	40	500	1000	315	50000	200000
Кузнецы.	1851	5	5	7	600	600	3000	80000	80000

Мы видимъ, что товарищества рабочихъ, даже не имѣя при своемъ основаніи ни копейки, могли безъ всякой поддержки достигать блестящихъ результатовъ. Въ настоящее же время, благодаря содѣйствію различныхъ обществъ кредита труду, производительныя товарищества развиваются гораздо успѣшнѣе. Милль не разсматриваетъ вліяніе кредитныхъ обществъ на развитіе рабочихъ товариществъ. Это составляетъ значительный пробѣлъ въ его ученіи объ артеляхъ. Общества кредита труду принесли уже громадную пользу рабочему классу. А между тѣмъ самое старое изъ нихъ Парижское основано только въ 1863 году. По цифрѣ оборота этого общества мы можемъ судить, какую помощь оно оказываетъ раточимъ товариществамъ. Въ 1863 году капиталъ его достигалъ только до 20000 франковъ, но уже въ 1864 году цифра оборота простиралась до . . . . 2,133,552 фр.

Въ 1865 . . . . 4,583,881 —

— 1866 . . . . 10,501,747 — (*)

Въ настоящее время почти во всѣхъ значительныхъ городахъ Франціи находятся подобныя кредитныя общества. Вліяніе ихъ на рабочее движеніе не только важно въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ. Они служатъ средоточіемъ людей, которые по своимъ умственнымъ. нравственнымъ и практическимъ свѣдѣніямъ могутъ служить руководителями раціональнаго развитія товарищескаго принципа.

Въ динамикѣ также обращаетъ на себя вниманіе взглядъ Милля на неподвижное состояніе богатства и населенія. Милль говоритъ, что онъ не согласенъ съ экономистами, смотрящими съ неподдѣльнымъ отвращеніемъ на это неподвижное состояніе: «я, говоритъ Милль, расположенъ думать, что въ сущности оно было-бы значительно лучше нашего нынѣшняго положенія. Признаюсь, меня не очаровываетъ идеалъ жизни, представляемый писателями, думающими, что нормальное состояніе человѣка — борьба для своего повышенія, что толкаться,

(*) Société du crédit au travail. Paris. Assemblée générale du 3 Février. 1867.

карабкаться, расталкивать толпу локтями, ступать другъ другу на ноги, что этотъ нынѣшній типъ общественной жизни — прекраснѣйшая для людей участь, а не непріятный симптомъ общественнаго прогресса. Сѣверные и средніе штаты американскаго союза представляютъ образецъ этого періода цивилизаціи при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ. Они уже имѣютъ всѣ шесть пунктовъ чартизма и не имѣютъ нищенства. Но изъ всѣхъ этихъ преимуществъ они извлекли, кажется, не смотря на появляющіяся признаки лучшей тенденціи, только ту пользу, что жизнь всѣхъ мужчинъ посвящена у нихъ ловленію долларовъ, а всѣхъ женщинъ — выкармливанію дѣтей, которые будутъ ловить доллары. Но самое лучшее для человѣческой натуры состояніе то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ стать богаче и не имѣетъ причинъ опасаться, что будетъ оттолкнутъ назадъ усиліями другихъ пробиться впередъ. Конечно, пока лучшіе люди не успѣли еще воспитать для лучшей жизни другихъ, то лучше силамъ человѣка поддерживаться въ энергической дѣятельности борьбою за богатство (какъ прежде поддерживались они военною борьбою), чѣмъ гнить въ бездѣйствіи. Пока люди грубы, имъ нужны грубыя возбужденія, и пусть они ихъ имѣютъ. Но пока это измѣнится, люди, не считающіе нынѣшней очень низкой ступени развитія окончательнымъ его типомъ, могутъ быть извинены въ томъ, что они довольно холодны къ нынѣшнему экономическому прогрессу, съ которымъ поздравляютъ себя, дюжинные публицисты, — къ простому возрастанію производства въ передовыхъ странахъ экономическая надобность состоитъ въ лучшемъ распредѣленіи, для чего однимъ ихъ необходимыхъ средствъ должно служить строжайшая воздержность въ размноженіи. Но слѣдуетъ полагать, что до этого лучшаго распредѣленія собственности можетъ довести соединенное дѣйствіе благоразумія и бережливости въ отдѣльныхъ лицахъ и законодательной системы, благопріятствующей равенству состояній, на сколько оно совмѣстно съ справедливымъ требованіемъ каждаго, чтобы ему принадлежали плоды собственнаго труда — велики-ли, ма-

лы-ли будутъ они. Можно предположить, напримѣръ, ограниченіе суммы, какую дозволяется человѣку пріобрѣтать черезъ дареніе или наслѣдство, количествомъ, достаточнымъ для обезпеченія скромной независимости. Подъ этимъ двоякимъ вліяніемъ главными чертами общества являлось-бы слѣдующее: работники, получая хорошую плату, живутъ изобильно; громадныхъ состояній нѣтъ, кромѣ состояній, выработанныхъ и накопленныхъ въ теченіи жизни однимъ человѣкомъ; но зато гораздо больше, чѣмъ теперь, будетъ лицъ, избавленныхъ отъ грубѣйшихъ видовъ работы и также пользующихся достаточнымъ физическимъ и умственнымъ досугомъ отъ машинальныхъ мѣлочей, такъ, что они могутъ свободно предаваться лучшимъ сторонамъ жизни и служить примѣромъ изящнаго для сословій положенія, которое менѣе благопріятно изящному развитію.

Такое положеніе общества, несравненно лучше нынѣшняго, совершенно совмѣстно съ неподвижнымъ состояніемъ и, какъ надобно думать, естественнѣе связанно съ этимъ состояніемъ, чѣмъ со всякимъ другимъ (*)».

Въ критическомъ разсмотрѣніи Миллемъ неподвижнаго состоянія народонаселенія и богатства ярко выступаетъ философская сторона экономическаго ученія Милля, Ни будь Милль философомъ, онъ не былъ бы въ состояніи сколько нибудь удовлетворительно разсмотрѣть этотъ вопросъ. Мы не должны удивляться, что большинство экономистовъ совсѣмъ не разсматриваетъ неподвижное состояніе богатства и народонаселенія.

Дѣйствительно, вся сила этихъ экономистовъ заключается въ анализѣ современнаго обмѣна. Гдѣ же нужно произносить сужденіе касательно основныхъ философскихъ вопросовъ распредѣленія, тамъ большинство экономистовъ оказывается несостоятельнымъ. Они, какъ мы видѣли, не имѣютъ правильнаго критеріума для сужденій о вопросахъ распредѣленія. Между тѣмъ, для надлежащаго разсмотрѣнія неподвижнаго

(*) Основанія полит. экон. т. II, стр. 277.

состоянія народонаселенія и богатства особенное вниманіе должно обратить на распредѣленіе. Не будучи въ состояніи понять соціальной стороны неподвижнаго состоянія народонаселенія и богатства, многіе экономисты стали на него смотрѣть съ отвращеніемъ. Оно, очевидно, противорѣчитъ ихъ стремленіятъ къ увеличенію производства. Для Милля, какъ экономиста-философа, ловецъ долларовъ не можетъ быть идеаломъ человѣка. Но Милль полагаетъ, что покуда не возвысится нравственный уровень современнаго человѣчества, должно дать значительный просторъ ловленію долларовъ. Онъ полалаетъ, что въ настоящее время должно заботиться о болѣе правильномъ распредѣленіи, не нарушая впрочемъ основныхъ началъ современнаго обмѣна. Милль, весьма справедливо, требуетъ для улучшенія распредѣленія, бережливости и благоразумія въ отдѣльныхъ лицахъ и законодательной системы, благопріятствующей справедливому распредѣленію богатства.

Дѣйствительно, безъ дѣйствія благоразумія и бережливости отдѣльныхъ лицъ, государство не можетъ достигнуть экономическаго улучшенія ихъ жизни. Благоразуміе особенно должно проявляться въ нормѣ народнаго приращенія. Необходимость предусмотрительности въ этомъ отношеніи основана на глубокомъ изученіи явленій общественной жизни. Милля только можно упрекнуть въ томъ, что онъ не принимаетъ въ соображеніе вліяніе усовершенствованія человѣка на способность дѣторожденія. Что бережливость необходима для развитія благосгстоянія народа — это неподлежитъ сомнѣнію, потому что бережливость нужна для образованія капиталовъ, а капиталы, какъ извѣстно, составляютъ conditio sine qua non всякаго хозяйства. Но съ другой стороны, благоразуміе и бережливость отдѣльныхъ лицъ безъ содѣйствія государства не можетъ доставить имъ благосостоянія. Потому Милль требуетъ постепеннаго введенія системы законодательства, благопріятствующей тому равенству состояній, которое совмѣстно со справедливымъ требованіемъ каждаго, чтобы ему принадлежали плоды его собственнаго труда, велики-ли,

малы-ли будутъ они. Милль, по нашему мнѣнію, не обращаетъ только надлежащаго вниманія на вліяніе, которое можетъ имѣть общественный строй на промышленную жизнь. Онъ не указываетъ намъ на необходимость разсредоточенія въ видахъ развитія разнообразія занятій и сохраненія плодородія полей.

Послѣ изложенія динамики, Милль переходитъ къ изслѣдованію вліянія правительства на народную экономію. «Обозначеніе надлежащихъ границъ обязанности и дѣятельности правительствъ, говоритъ Милль, составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ политической науки и государственной практики въ нашу эпоху. Въ прежнія времена предметомъ спора было то, какое устройство должны имѣть правительства, по какимъ принципамъ и правиламъ должны они пользоваться своею властію, а теперь столько же разнорѣчія существуетъ о томъ, на какія отрасли человѣческихъ дѣлъ должна простираться эта власть. По мнѣнію Милля, вмѣшательство правительства должно быть допускаемо лишь тогда, когда польза отъ того очевидна. Относительно сферы правительственнаго вмѣшательства Милль раздѣляетъ его на необходимое, полезное и вредное (*).»

Къ необходимымъ и безспорнымъ правительственнымъ функціямъ Милль относитъ:

Во первыхъ, средства, принимаемыя правительствами для собиранія дохода, необходимаго для ихъ существованія.

Во вторыхъ, характеръ законовъ, установляемыхъ правительствами по двумъ великимъ предметамъ: по собственности и по договорамъ.

Въ третьихъ, достоинства и недостатки способовъ, посредствомъ которыхъ правительства вообще обезпечиваютъ исполненіе своихъ законовъ, т. е., исправленіе правосудія и полиціи.

Въ первомъ отдѣлѣ Милль разсматриваетъ теорію налоговъ. Теорія налоговъ Милля представляетъ образцовое изло-

---

*) Основанія политической экономіи. т. II. стр. 319.

женіе этого предмета. Вѣрность въ основаніяхъ, строгая логичность и правильность въ выводахъ составляетъ неотъемлемыя ея достоинства. Милль излагаетъ общія основанія теоріи налоговъ, основанія которымъ должны слѣдовать образованные народы въ установленіи податной системы. Милль не разсматриваетъ всѣхъ видовъ налоговъ, существующихъ въ разныхъ государствахъ, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе ученые въ своихъ учебникахъ финансовой науки; онъ излагаетъ только налоги, наиболѣе соотвѣтствующіе современнымъ требованіямъ общественной философіи. Милль ясно показываетъ вліяніе различныхъ налоговъ на современное хозяйство образованныхъ народовъ. Между тѣмъ, какъ многіе нѣмецкіе экономисты, вдаваясь въ подробности при описаніи практическаго приложенія различныхъ видовъ налоговъ, часто теряютъ изъ вида живую связь, существующую между налогами и экономическою жизнію народа.

Во второмъ отдѣлѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ разсмотрѣніе Милля законовъ о наслѣдствѣ и договоровъ товарищества. «Товарищества въ особенности необходимы, говоритъ Милль, для возвышенія и для улучшенія быта рабочаго класса. Товарищества, въ родѣ французскихъ рабочихъ ассоціацій, служатъ могущественнѣйшимъ средствомъ совершить общественную эманципацію работниковъ посредствомъ ихъ собственной энергіи. Свобода составлять ассоціаціи важна не одними примѣрами успѣха, она столько же важна и тѣми попытками, которые не удаются, но своими неудачами представятъ урокъ, поучительнѣе котораго не можетъ быть ничто, кромѣ личнаго опыта. Слѣдовало-бы дозволять и даже ободрять испытанія на опытѣ всѣхъ теорій общественнаго улучшенія, достоинство которыхъ можетъ быть провѣряемо опытомъ. Изъ этихъ опытовъ энергическая часть рабочихъ сословій извлекла-бы себѣ уроки въ истинахъ, вѣрить которымъ трудно ей, когда они излагаются людьми, о которыхъ работникъ предполагаетъ, что они имѣютъ выгоды и предразсудки, противные его быту; этимъ, безъ всякаго убытка обществу, получилъ-бы работникъ средство исправить ошиб-

ки въ своихъ понятіяхъ о средствахъ достиженія независимости, узналъ-бы нравственныя, умственныя и промышленныя условія, при недостаткѣ которыхъ рѣшительно не можетъ совершиться общественное возрожденіе — предметъ его желаній (*).

Кто только слѣдилъ за развитіемъ рабочихъ ассоціацій въ западной Европѣ, тотъ знаетъ, какія препятствія встрѣтило ихъ развитіе въ Европейскихъ законодательствахъ. Мы должны однако замѣтить, что въ послѣднее время въ этихъ законодательствахъ замѣтно значительное стремленіе къ уничтоженію законоположеній, стѣсняющихъ образованіе работчихъ ассоціацій. Стремленіе вызвано общественнымъ мнѣніемъ Европы, которое начинаетъ все больше и больше склоняться въ пользу ассоціацій.

Переходя къ разсмотрѣнію случаевъ правительственнаго вмѣшательства, происходящаго изъ ложныхъ теорій, Миллъ сначала останавливается на разборѣ охранительной системы. «Онъ говоритъ, что при обыкновенномъ ходѣ торговли, ввозъ заграничныхъ товаровъ бываетъ лишь тогда, когда онъ съ экономической точки зрѣнія выгоденъ для націи, когда при немъ данное количество товаровъ получается страною съ меньшимъ расходованіемъ труда и капитала. Запрещать ввозъ какого нибудь товара, значитъ вынуждать, чтобы пропадало все количество труда и капитала, какое нужно на внутреннее производство товара, сверхъ того, количества труда и капитала, какое было-бы нужно на производство предмета, за какое былъ бы купленъ этотъ товаръ изъ заграницы. Величина этого національнаго убытка измѣряется излишкомъ цѣны, какой стоитъ товаръ при внутреннемъ производствѣ, надъ цѣною, за какую могъ бы онъ ввозиться. Поэтому, Миллъ въ принципѣ отвергаетъ покровительственныя пошлины. Впрочемъ, говоритъ Миллъ, политическая экономія не зависимо отъ другихъ случаевъ можетъ допустить покровительственныя пошлины лишь

(*) Основанія полит. экон. т. II. стр. 437.

въ одномъ случаѣ, когда онѣ установляются на время (особенно у молодой и цивилизующейся націи), съ надеждою акклиматизировать въ ней заграничную промышленность, совершенно подходящую къ ея положенію. Превосходство одной страны надъ другою въ извѣстной отрасли промышленности часто происходитъ лишь отъ того, что первая страна начала заниматься ею раньше (*). Въ такомъ случаѣ покровительственная пошлина, сохраняемая не слишкомъ долго, бываетъ иногда для націи наименѣе неудобнымъ средствомъ подвергать себя налогу на поддержку такого опыта.

Мы видимъ, что Милль, отвергая въ принципѣ покровительственныя пошлины, показываетъ однако ихъ раціональность въ нѣкоторыхъ случаяхъ. По нашему мнѣнію, Милль не совсѣмъ правильно относится къ этимъ пошлинамъ. Онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе мѣновой цѣнности, не обращая надлежащаго вниманія на развитіе производительныхъ силъ страны. Самый взглядъ его на равноцѣнности не выдерживаетъ критики, потому что Милль совсѣмъ не обращаетъ вниманія на нѣкоторые выводы современнаго естествознанія: дѣло въ томъ, что онъ не принимаетъ въ разсчетъ сравнительное количество минеральныхъ частей въ обмѣниваемыхъ произведеніяхъ. Особенно такое сравненіе необходимо дѣлать при обмѣнѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ на мануфактурные. Многіе экономисты утверждаютъ, что на количество минеральныхъ частей не слѣдуетъ обращать вниманія, потому что частныя лица обыкновенно не берутъ этого въ расчетъ при опредѣленіи цѣнности обмѣниваемыхъ произведеній; но эти экономисты забываютъ, что ихъ предметъ есть общественное хозяйство, гдѣ частные интересы должны быть подчинены интересамъ общественнымъ. Общество не можетъ и не должно равнодушно смотрѣть на истощеніе полей своихъ. Оно обязано принять мѣры къ устраненію такого истощенія; охранительныя же пошлины могутъ служить оплотомъ не только про-

(*) Основанія полит. экон. т. II. стр. 447.

тивъ ввоза, но и противъ вывоза произведеній. Поэтому, государство должно употреблять ихъ наравнѣ съ другими средствами, могущими служить къ сохраненію плодородія полей и развитію народной промышленности. Въ какихъ размѣрахъ и когда нужно устанавливать охранительную систему, объ этомъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же мы замѣтимъ только, что одна охранительная система не можетъ принести большую пользу народному хозяйству, если одновременно съ нею не будутъ приняты другія мѣры, служащія къ сохраненію и развитію производительныхъ силъ страны.

Въ отдѣлѣ о вмѣшательствѣ повелительномъ и не повелительномъ и о границахъ системы laisser faire Миллъ представляетъ общія начала соединенія свободной дѣятельности и дѣятельности правительственной власти въ сферѣ жизни общественной.

«Повелительное вмѣшательство заключается, по мнѣнію Милля, въ дѣятельности правительства, запрещающей всѣмъ дѣлать то или другое, или не дѣлать безъ его дозволенія; оно можетъ также предписывать людямъ дѣлать то или другое или дѣлать, или не дѣлать извѣстнымъ способомъ то, что оставляетъ на ихъ воли дѣлать или не дѣлать. Неповелительное вмѣшательство бываетъ тогда, когда правительство даетъ совѣты и обнародываетъ свѣдѣнія, или когда, оставляя частнымъ лицамъ идти къ извѣстной общественной цѣли частными ихъ силами, не вступаясь въ ихъ дѣйствія, но не ввѣряя дѣло исключительно ихъ заботливости, оно рядомъ съ частными учрежденіями устраиваетъ собственное учрежденіе для той же цѣли.» Послѣдняго рода вмѣшательство Миллъ особенно рекомендуетъ современнымъ правительствамъ (*) Миллъ требуетъ, чтобы правительственное вмѣшательство не простиралось на ту часть внутренней и внѣшней жизни человѣка, которая касается только самого этого человѣка, не затрогивая интересовъ другихъ, или затрогивая ихъ лишь чрезъ нравственное вліяніе примѣра. Миллъ даже желаетъ, чтобы въ

(*) Основанія политической экономіи, т. II, стр. 170.

тѣхъ частяхъ жизни, которая касается интересовъ другихъ, представлять для каждаго случая юридическаго запрещенія особенные доводы, что запрещеніе тутъ полезно, Милль чуждъ всякой регламентаціи, которая только не вызвана необходимостью. Онъ сильно ратуетъ за самостоятельность общества. «Еслибы правительство, говоритъ Милль, даже могло совмѣщать въ себѣ по каждому роду дѣла всѣ замѣчательнѣйшія умственныя силы и практическіе таланты цѣлой націи, все-таки лучше бы было оставить значительнѣйшую часть дѣлъ въ рукахъ лицъ прямо заинтересованныхъ ими. Дѣловая жизнь, существенный элементъ практическаго воспитанія народа; безъ нея книжное и школьное образованіе, хотя оно чрезвычайно нужно и спасительно, еще не даетъ людямъ необходимыхъ для жизни качествъ и умѣнья приспособлять средство къ цѣлямъ.»

Мы не можемъ однако вполнѣ согласиться съ ученіемъ Милля о вмѣшательствѣ правительственной власти въ общественныя дѣла. Онъ справедливо требуетъ, чтобы правительственное вмѣшательство не простиралось на ту часть внутренней и внѣшней жизни человѣка, которая касается только самаго человѣка. Но мы не согласны съ Миллемъ въ томъ, что «laisser faire» въ экономическихъ отношеніяхъ должно быть общимъ правиломъ, и каждое отступленіе отъ этого правила навѣрное вредно, если не вынуждается какою либо великою пользою. Въ настоящее время желательно не уменьшеніе, а увеличеніе вліянія общественной власти на экономическія отношенія. Только самая эта власть должна быть разсредоточена и дѣйствовать сообразно разумнымъ требованіямъ современной философіи. При такомъ управленіи весьма естественно, что общественная власть будетъ находиться въ рукахъ лицъ, прямо заинтересованныхъ въ дѣлахъ ихъ мѣстности.

Исчисливъ нѣкоторые случаи полезнаго вмѣшательства правительства въ дѣла общественныя, Милль оканчиваетъ свой трактатъ словами, «что истинное назначеніе правительства заключается въ принятіи мѣръ къ тому, чтобы энергія,

растрачиваемая нынѣ людьми на нанесеніе вреда другъ другу, или на защиту себя отъ этого вреда, обращалось къ надлежащей цѣли человѣческихъ способностей, къ тому, чтобы принуждать силы природы все болѣе и болѣе служить матеріальному и нравственному благу.»

Мы разсмотрѣли важнѣйшія начала политической экономіи Милля. Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ея характерѣ. Милль не даетъ новаго основанія политической экономіи; онъ беретъ ея основаніе такъ, какъ оно есть и выясняетъ только его истинное значеніе. Въ настоящее время при томъ смѣшеніи основныхъ экономическихъ понятій, которое господствуетъ въ умахъ многихъ экономистовъ, такое выясненіе фундамента экономической науки чрезвычайно полезно. Милль принимаетъ за основаніе законовъ распредѣленія господство личнаго интереса и соперничества. Въ этомъ онъ сходится съ большинствомъ экономистовъ. Но онъ расходится съ ними, признавая возможность осуществленія промышленныхъ организацій, основанныхъ на другихъ началахъ. Онъ желаетъ, чтобы всѣ соціальныя теоріи были повѣрены на опытѣ, въ маломъ размѣрѣ.

Милль показалъ, что и при господствѣ частной собственности и личнаго соперничества возможны значительныя улучшенія въ народномъ хозяйствѣ. Самый вопросъ о частной собственности онъ подвергъ строгому анализу, тогда какъ этотъ вопросъ обыкновенно совсѣмъ почти не разсматривается экономистами. Милль указалъ, что частная собственность можетъ подвергнуться значительнымъ улучшеніямъ, клонящимся къ общему благу, не нарушая основныхъ принциповъ, на которыхъ она построена. Милль также расходится съ большинствомъ экономистовъ во взглядѣ на артели. Онъ полагаетъ, что важнѣйшая цѣль современныхъ улучшеній должна заключаться въ измѣненіи господствующаго отношенія труда къ капиталу, измѣненіе, которое осуществляется въ товариществахъ капиталистовъ съ работниками и въ товариществахъ однихъ работниковъ.

Для правильнаго пониманія улучшеній, предлагаемыхъ

Миллемъ въ народномъ хозайствѣ, должно выяснить себѣ философскій принципъ, который руководитъ имъ при разсмотрѣніи общественныхъ вопросовъ. Принципъ этотъ есть принципъ наибольшаго счастія, т. е. равнаго счастія для всѣхъ людей (*). Равное же право каждаго человѣка на счастіе предполагаетъ равное право на пользованіе всѣми средствами, служащими для его достиженія, на сколько это допускаютъ необходимыя условія человѣческой жизни и общее благо, въ которомъ заключается благо отдѣльнаго индивидуума. Общество должно постепенно осуществлять принципъ наибольшаго счастія, сообразно даннымъ обстоятельствамъ времени и мѣста. — Мы не считаемъ утилитарнаго начала Милля совершенно правильнымъ; но оно лучше всѣхъ философскихъ началъ, принимаемыхъ обыкновенно экономистами. Благодѣтельное вліяніе утилитаріанизма на улучшеніе современной общественной жизни не подлежитъ сомнѣнію. Плодотворность его проявляется во всѣхъ сочиненіяхъ Милля, касающихся различныхъ жизненныхъ вопросовъ настоящаго времени. Однако утилитаріанизмъ не можетъ совершенно удовлетворить современнымъ требованіямъ общественныхъ наукъ. Онѣ нуждаются въ болѣе твердомъ, въ болѣе опредѣленномъ руководящемъ началѣ.

Принципъ наибольшаго счастія указываетъ только, что каждому члену общества должна быть предоставлена возможность пользоваться средствами, служащими для достиженія благосостоянія. Но въ чемъ заключается это благосостояніе, а равно какимъ именно способомъ предоставить всѣмъ членамъ общества средства для достиженія благосостоянія, объ этомъ утилитаріанизмъ не доставляетъ надлежащихъ свѣдѣній. Неудовлетворительность его особенно просвѣчиваетъ во взглядѣ Милля на улучшенія въ народномъ хозяйствѣ. Милль желаетъ для настоящаго времени такого состоянія общества, въ которомъ каждый членъ его пользовался бы благосостояніемъ, хотя-бы при этомъ въ экономическихъ отношеніяхъ господствовалъ личный интересъ и соперничество.

(*) Utilitarianism. By John Stuart Mill, London 1863; стр. 91.

Такой взглядъ на улучшеніе народнаго хозяйства согласенъ съ утилитарнымъ принципомъ. Утилитаріанизмъ требуетъ только, чтобы каждый членъ общества могъ пользоваться матеріальными средствами; всѣ же члены общества могутъ вести въ народномъ хозяйствѣ bellum omnium contra omnes. Но мы видѣли, что многіе улучшенія, предлагаемыя Миллемъ, заключаются въ ограниченіи отношеній, основанныхъ на одномъ личномъ интересѣ и соперничествѣ. Такія ограниченія прямо не противорѣчатъ утилитаріанизму, но они и не вытекаютъ изъ него. Утилитаріанизмъ не указываетъ намъ на необходимость извѣстныхъ формъ промышленной жизни для осуществленія благосостоянія народа. Поэтому, Миллю часто приходится прибѣгать къ помощи другихъ общественныхъ ученій. Соединеніе утилитарнаго начала съ началами другихъ философскихъ ученій иногда приводитъ Милля къ весьма полезнымъ практическимъ результатамъ; но съ точки зрѣнія теоретической оно показываетъ неудовлетворительность утилитаріанизма.

Въ заключеніе мы должны еще разъ сказать, что, по мнѣнію Милля, наука требуетъ, чтобы современные экономисты занимались преимущественно изысканіемъ способовъ улучшенія народнаго хозяйства, не уничтожающихъ его основныхъ элементовъ: личнаго интереса и соперничества. Изложеніе же законовъ измѣненія этихъ элементовъ принадлежатъ, по мнѣнію Милля, части обществовѣдѣнія, излагающей законы развитія человѣчества.

Въ настоящее время, по словамъ Милля, законы историческаго развитія человѣчества не указываютъ намъ, въ какую организацію должно перейти современное хозяйство образованныхъ народовъ (*). Мы видѣли, что Милль принимаетъ возможнымъ осуществленія коммунизма, а также дальнѣйшее господство организаціи промышленности, основанной на личномъ интересѣ и соперничествѣ (**).

(*) Auguste Comte and Positivisme. By J. St. Mill. стр. 83.
(**) Основ. полит. экон. т. I, стр. 263.

Утилитаріанизмъ Милля прямо не противорѣчитъ ни той, ни другой организаціи; но этимъ самымъ онъ показываетъ свою несостоятельность. На нашъ вопросъ: къ чему должно стремиться народное хозяйство? Утилитаріанизмъ только отвѣчаетъ: къ развитію благосостоянія народныхъ массъ. Понятно, что такой отвѣтъ не можетъ указать положительныхъ началъ, о развитіи которыхъ должно заботиться народное хозяйство.

Милль оставляетъ насъ въ полномъ недоумѣніи касательно той организаціи, какую должно принять хозяйство образованныхъ народовъ; прочитавъ Милля, читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: неужели же въ дѣйствительности общественная наука должна колебаться между коммунизмомъ и обмѣномъ, основаннымъ на своекорыстномъ соперничествѣ? Нѣтъ. Обществовѣдѣніе и факты дѣйствительной жизни показываютъ, что не будетъ установлено коммунизма, а также, что организація, основанная на своекорыстномъ соперничествѣ, должна уничтожиться.

[3]

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Джономъ Стюартомъ Миллемъ вполнѣ доказано, что начала абстрактной политической экономіи могутъ быть разъяснены только прямымъ дедуктивнымъ методомъ, а законы соціальной науки — обратно-дедуктивнымъ.

II.

Экспериментально-химическій методъ, предлагаемый Кэри для выясненія законовъ соціальной науки, равно какъ и взглядъ его на существо этой науки не могутъ выдержать строгой критики.

III.

Политическая экономія не можетъ быть ограничиваема теоріею обмѣна.

IV.

Разъясненіе истинъ политической экономіи влечетъ за собою разъясненіе современной задачи общества и государства.

V.

Методъ Рошера не удовлетворяетъ требованіямъ историческаго метода.

VI.

Законъ земледѣлія, признаваемый Миллемъ за основной, можетъ быть принятъ только съ ограниченіями.

VII.

Законъ полнаго возврата долженъ быть признанъ за основной законъ земледѣльческаго производства.

VIII.

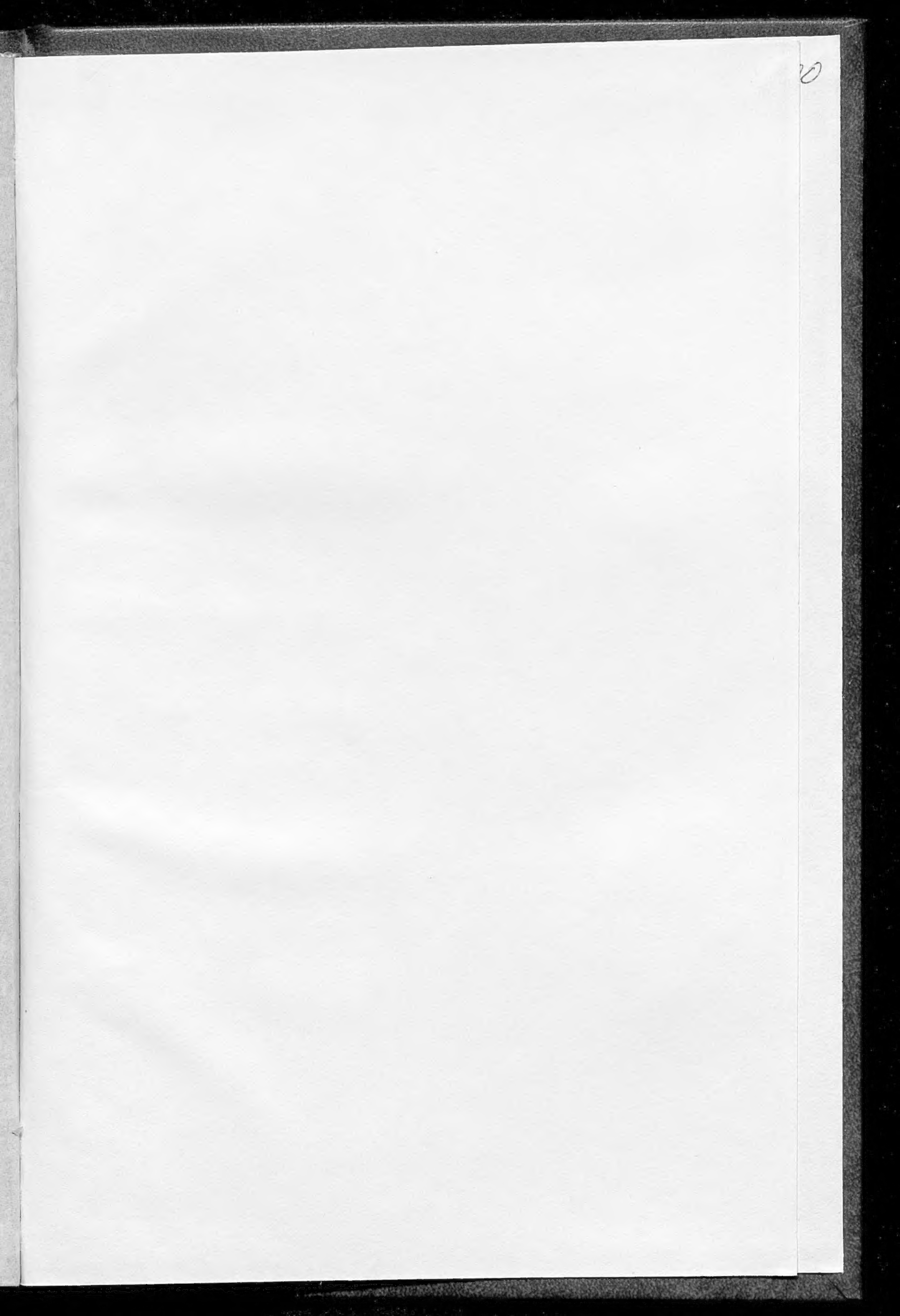
Начало конкурренціи не установляетъ гармоніи между трудомъ и капиталомъ.

IX.

Существенныя начала социальной науки не находятъ для себя полнаго разрѣшенія въ утилитарной теоріи Милля.

Печатать дозволяется съ разрѣшенія Юридическаго Факультета С.-Петербургскаго Университета. Апрѣля 23 дня 1867 г.

Деканъ Факультета *Ивановскій.*

585,00

KC11
P62